

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

СЛОВО ЧЕСТИ

Владимир Геннадьевич Поселягин
Офицер. Слово чести
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43648164
Офицер. Слово чести: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116974-9

Аннотация

Игорю, бывшему офицеру и ветерану локальных конфликтов, повезло. У него появилась возможность прожить новую жизнь. Какая разница, где – лишь бы здоровым и с оружием под рукой! Он докажет, что даже безусый парнишка, оказавшийся в захолустном приграничном гарнизоне в преддверии Великой войны, способен что-то сделать для Родины.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Офицер. Слово чести

Владимир Поселягин

© Владимир Поселягин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Прислонившись плечом к углу дома, я лениво наблюдал, как тройка бритоголовых молодчиков развлекается неподалеку от входа на территорию школы. Обычно такое времяпровождение называется кошмарить школоту, но в данном случае им явно не хватало огонька. Как мне было известно, у одного из бритоголовых подружка в этой школе, вот и ждёт её с друзьями. Ну, и пока есть время, занимает его как умеет. В школе имеется охранник, но ему нет дела до того, что происходит за её пределами, оттого и не наблюдается его в пределах видимости. Ещё одного пятиклассника перехватили. От мощного леща тот серьёзно отлетел и, похоже, даже потерял сознание, приложившись затылком об асфальт. Что было дальше, не видел, его скрыли собой одноклассники и потащили в сторону, глухо матеря уродов. Правда, этого я не видел и не слышал, но уверен, что так и было. На крыльце старшекласники собирались, с пяток уже набралось, но пока дрейфили, видать подмоги ждали, чтобы уродов прогнать.

Додумать я не успел, у края проезжей части, буквально в паре метров от меня, остановился понтовый белый «Лексус», из которого вылез мой бывший сосед по лестничной площадке. Семь лет жил с нами, а потом внезапно разбогател. Решил, что с простыми людьми жить ему запахло и переехал в более престижный район. Причём и наш был не так

уж и плох, я свою двушку купил за очень солидные деньги в иностранной валюте – продал комнату в коммуналке, которой меня осчастливило отечество после двенадцати лет беспорочной службы, потом-то я ушёл по инвалидности. А деньги я на гражданке заработал. Так что домик на побережье Чёрного моря, квартира в центре Москвы, неплохой внедорожник, байк – всё это у меня было. Ранее ещё имелся домик во Франции, в Париже, но я его продал. Да и пару счетов в банке солидных имел. До конца жизни хватит. Однако соседushка наш район почему-то решил покинуть и вселился в высотку, где также один известный болгарский певец проживал.

С заметным трудом, но этот колобок из салона кроссовера все-таки сумел выбраться. Пока он показывал героические способности к протискиванию в узкий дверной проём, позади «Лексуса» встал ещё один внедорожник, но это уже действительно джип, модели «Чероки». Тонирован был хорошо, но когда вылезал пассажир из передней двери, я отметил, что внутри ещё пара плечистых ребят сидит. Вот этот, что на «Чероки» прикатил, внимание моё привлёк куда больше, чем бывший сосед. Выправка, движения многое говорят наблюдательному человеку вроде меня. Не армеец, скорее всего из спецслужб, и возможно, бывший. Одет элегантно, костюм явно дорогой, поверх кожаный плащ. Ну, это да, осень, я сам в кожанке был.

Подошли они ко мне почти одновременно.

– Игорь, здорова, – протягивая руку, подкатил сосед. – Сколько лет, сколько зим! Знакомься, это начальник службы безопасности в моей корпорации. Зовут Сергей Николаевич.

– Ну и чем я так заинтересовал тебя, Степаныч? – пожилая руку его начальнику охраны, поинтересовался я, отмечая, что у того при себе по меньшей мере два ствола и точно есть нож. Серьёзный дядя.

– Игорь, ты мне нужен. Времени очень мало. Может, пройдем в машину? Не хочу говорить при свидетелях. Мало ли камеры сюда направлены, по губам прочитают.

– Степаныч, скажи, как ты меня нашёл? – не двигаясь с места, поинтересовался я.

При этом краем глаза отметил, что к трём бритоголовым подошли ещё двое, но это точно не все, я ждал шестого – того, что мне нужен, а эти так, массовка.

– Ну ты и вопросы задаёшь! Через телефон, вестимо, – хмыкнул тот.

– Степаныч? – достав из кармана телефон, я показал его. – С этой мобилкой поработал такой спец, что отследить его невозможно, так что заливай баки кому другому. Говори, как вышел на меня. Хотя дай угадаю. Ты направил двух придурков на красном спортивном двухместном «Астон-Мартине» следить за мной, не так ли? Это твои люди от дома за мной катили?

– Всё наспех, всё по-быстрому, – виновато развёл тот руками.

Я же мысленно материл его последними словами. Думал, меня вычислили, хотел валить их и в бега уходить. Всё уже так далеко зашло, что на полпути не остановишься. Зло сплюнув, причем уже не мысленно, я хмуро посмотрел на него:

– Тут говори, чего нужно. В машину не сяду.

Он осмотрелся, поглядывая, нет ли кого рядом, и приблизившись вплотную, обдал запахом дорогого табака, парфюма и, кажется, виски:

– Есть возможность отправить тебя в прошлое. Точнее, твою душу с памятью. Доброволец отказался, а замены нет. Установка уже запущена, объект, в которого произойдёт вселение, движется на поезде к Москве, он один подходит для этого. Есть два часа, иначе будет поздно и до следующего раза ждать год. Вот я про тебя и вспомнил. Ты же инвалид, разве откажешься обменять тело на молодое и здоровое? Тем более ты военный.

– С чего это ты взял? – удивился я, насчёт инвалида, правда, не возражал, так и было.

– Я тебя в форме видел, майора, кажется.

– Ну майор, только не армеец, а из внутренних войск.

– Да по хрену. Тот, в кого тебя мы вселим, вообще старший лейтенант-артиллерист. Задачу тебе поставлю, уж извини, чуть позже.

– В чём проблема? Раз тот доброволец отказался, значит, причина есть.

– Возврата нет, ну и ещё там по мелочи. Ну, они не существенные. Так ты согласен? Два часа, ещё подготовка полчаса, а ехать час.

– Только свистни, и любой военный инвалид душу продаст и легко согласится, – хмыкнул я. – Так что кончай мне лапшу на уши вещать. Правду.

– А нет правды. И тот доброволец, что отказался, безногий инвалид, тут ты прав. Только замены мы не подобрали, лоханулись, а время горит, вот я про тебя и вспомнил. Думай, только быстро.

Я же быстро раздумывал. А ведь это в цвет. Вряд ли, конечно, рассказанное Степанычем вообще возможно, я был законченным материалистом и в сверхъестественное не верил, но шанс решил не упускать. Тем более, если что, успею в отрыв уйти, всё подготовлено.

– Я согласен.

– Тогда быстро в машину.

– Не торопись, – остановил я Степаныча. – Жди здесь, у меня дела незаконченные остались. Я же не могу уйти, не раздав долги. Пять минут.

Оставив их у стены дома, я дошёл до входа в подъезд, открыв его электронным ключом – я же говорил, что подготовился, – быстро поднялся на чердак. Взял из тайника «Вал», это автомат такой, и, подойдя к чердачному окну и слегка опустив деревянные шторы, прицелился. Сто пятьдесят метров – нормальная дистанция. Шестой уже подо-

шел – сын одного из чиновников московской администрации. От крыльца школы бежало две девчонки-старшеклассницы, которых они ждали. Нужно закончить, пока на виду, а не то сейчас уйдут, именно так я их вчера упустил. Вы знаете, что делает разрывная пуля, попадая в арбуз? Да, много брызг. Тут произошло то же самое. Шесть выстрелов – и шесть бритых голов превратились в кровавые облачка. Ну разве что тому сынку я ещё в пах выстрелил. Сначала в пах, потом в голову. Кто умный, тот поймёт. Потом перевёл ствол автомата на двух малолетних шалав, что тёрлись с этими отморозками, а сейчас стояли на школьной дорожке и в шоке визжали. Два выстрела – результат тот же, и безголовые тела повалились на тротуарную плитку. А я, оставив автомат у окна, побежал вниз, на ходу снимая перчатки. Спустившись, я вышел к машинам. Степаныч и сильно хмурый Сергей Николаевич наблюдали за тем, что у школы происходило, с их места всё было хорошо видно.

– Зачем? – только и спросил начальник охраны.

Он не спрашивал, кто это сделал, он в этом был полностью уверен, да и почувствовал запах пороха от меня.

– За надом, – был мой ответ.

Тут Степныч влез:

– Потом наговоритесь. Время. Поехали.

Сергей Николаевич сел к нам в «Лексус», выгнал водителя, и сам взялся за руль, а мы с бывшим соседом устроились сзади. Машины тут же стартовали, у школы уже толпа соби-

ралась, но сирен пока не было, слишком мало времени прошло. Ну, а насчёт того, что нас могут отследить, то он зря волновался, я подготовился, и камеры наблюдения тут не работали.

Пока было время, я решил прояснить ситуацию с этой хреновой машиной времени, что-то я до сих пор в нее не верил. Однако мне помешали, тот самый бывший гэбист, что за баранкой сидел.

– Так зачем ты это сделал?

– Слушай, тебе не всё равно? Чего под кожу лезешь?

– Не скажи. Игорь, вопрос действительно очень сложный, – влез Степаныч. – У нас с установкой уже были пробные запуски, отправили двух добровольцев. Вот только там что-то с психикой, они становились настоящими... Отморозками, что ли? Причём вообще без башни. Один серийником стал, педофил, больше сорока тел в лесу прикопал. Хотя были вроде хорошими людьми, лаборанты в лаборатории. Решили человека военного, повоевавшего, взять, с крепкой психикой, всё подготовили, а тот в последнее мгновение в отказ пошёл. Хорошо, я про тебя вспомнил.

– Именно так, – подтвердил Сергей Николаевич. – Так что мы не успели собрать по тебе информацию. Сейчас мои люди этим занимаются. Может, сам опишешь, кто ты?

– Легко. Майор в отставке. Комиссован по ранению. Последняя должность – начальник разведки отдельной бригады ВВ. Только я им никогда не был, повысили, чтобы пенсия

побольше была. Командиром разведроты я был, в ней взводным начинал, в ней и закончил. Комиссован в тридцать один год. Дальше на гражданке обустроился, нашёл свою нишу, работал.

– Кем? И что за ранения? – допытывался наш «водитель». – По виду, здоров как бык. Ну разве что трёх пальцев на левой руке нет.

– По пальцам и комиссовали, указательного-то нет. Я амбидекстр, обеими руками владею одинаково, но это не важно. У меня причиндалов нет.

– В смысле? – удивился Степаныч. – Чечены отрезали, что ли?

– Нет. Пулей разрывной оторвало. Напрочь, ни члена, ни яиц.

Тот невольно присвистнул, однако от темы моей инвалидности – мне она была неприятна – мы ушли, но допрос продолжился. Например, как я зарабатываю.

– Я веду переговоры. Сложные. Стараюсь делать так, чтобы в выигрыше были заказчики. Обычно получается.

– Киллер? – уточнил Сергей Николаевич.

– Нет, но иногда приходилось, когда на отморожков или на рейдеров выходил. По-другому они не понимают. Я переговорщик со стволом в руке. Пуля не всегда последний довод, но бывает, и начинаем с неё.

– Согласен. Так что по поводу тех бритоголовых?

– Это месть.

– Причина? Я должен знать.

– Год назад узнал, что у меня дочь есть, мать её до последнего скрывала. С моим ранением сами понимаете, что это для меня значило. Ну, а когда труп девочки нашли – поизмывались над ней вволю, – прибежала, сообщила... Тварь. Семью она, видите ли, разрушать не хотела. Поискал и нашёл виновных, год этим занимался. Теперь доволен ответом?

– А девчат почему завалил?

– Они там тоже были.

– Ты бы мог втихую с ними разобраться. Пропали, и с концами. Почему так ярко?

– Мать её попросила. Да ещё чтобы умерли те страшной смертью, как наша дочь. Чтобы уже их родители плакали по своим деткам.

– А умерли они быстро, вряд ли что успели понять.

– Я солдат, а не чудовище. Хотя этих уродов на кол бы посадил с удовольствием. Была у меня причина так быстро их отработать. Акция должна была стать известной, и просьбу я выполнил.

– А она не могла тебя обмануть по поводу дочери? Найти бесплатного убийцу, да ещё инвалида и контуженого? – подал голос бывший сосед.

– Тест показал родство, – коротко ответил я. – Хоть так дочери пригодился.

– И что, простишь её, что дочь прятала?

– Судьба за меня уже отомстила. Дочь потеряла, муж раз-

вёлся, живёт одна в коммуналке. Работать не любит и не хочет, привыкла быть домохозяйкой на всём готовом. Чего хотела, то и получила. Ха, представляете, она ещё намекнула, чтобы я её на содержание взял. Обломалась. Ладно, хватит мне в душу лезть, говорите, что не так с этой установкой?

– Да вроде уже всё сказали, – пожал Степаныч плечами. – Билет в один конец, непонятное воздействие на мозги, ну и – мы теперь уверены – мир не наше прошлое. Изменений не обнаружили, хотя вмешательства в историю были. Значит, задача у тебя вот такая: тебя перемещают в тело советского офицера, что едет в отпуск в Москву, он москвич, и ты убиваешь Хрущёва.

– А год какой?

– Пятьдесят девятый. Задачу понял? Тебе нужно не только вжиться в свою роль, но и достать оружие и выполнить задачу. По последнему мы поможем, узнаешь, где в катакомбах под Москвой имеется склад оружия, оставшийся с Гражданской, там даже пулемёты есть. В нашей истории его нашли только в восемьдесят третьем. Это точно. «Маузер», с которыми комиссары ходили, до сих пор храню.

– Да понял я. Не вижу особых проблем, только мне с этого всего какой прок?

– А ты не понял?

– Понял. Хочу от вас услышать.

– Молодое тело со всеми причиндалами, как ты говоришь. Возможность покинуть Союз и перебраться за границу. Ты

же вроде языками владеешь?

– Английский и французский в совершенстве, на немецком говорю бегло, – ответил я с задумчивым видом. – В Париже у меня даже домик был на окраине, но как чёрных понаехало, продал. Перед этим закопал семью чёрных, что без моего разрешения в нём жила. Да и деньги нужны были для поиска уродов, что дочь убили. А с языками... Надо же было чем-то занять себя, когда списали. Оказалось, предрасположенность к языкам у меня. Репетиторов потом нанял, даже акцент убрал. Жаль, с немецким не закончил.

– Ну вот видишь, сможешь ты свой шанс получить.

– Всё равно что-то не так. Те двое первых из лаборантов действительно ничего не смогли сделать?

– Насчёт одного я тебе уже сказал, маньяком стал, и мы за ним целый год наблюдали, пока не потеряли контакт с тем миром. А второй оборвал все концы и жил припеваючи. Никаких докладов и анализов. Сыном первого секретаря области стал, мажор хренов.

– Год? – ухватился я за оговорку.

– Ну да. У нас с два десятка миров под присмотром. Мы там якоря поставили. Но как только отправляем в мир «десантника», мы так добровольцев называем, год – и всё, мир уходит, и оборудование не может уцепиться за якоря. Мы больше его не видим.

– Понятно.

Размышляя, я мельком посмотрел на машину ДПС, что

двигалась перед нами с сиреной и мигалками. У Степаныча хорошие связи, с таким кортежем мы двигались действительно быстро.

Предложение, конечно же, интересное, так что скатаемся и посмотрим. Если что не так, уйду в отрыв. Квартиру, дом и технику я продал, в квартире своей пока как квартирант жил, деньги увёл в заграничные банки, ведь я планировал покинуть страну, так что особо взять с меня нечего. Через пару лет, если я не дам о себе знать, деньги уйдут в фонд ветеранов. По завещанию.

Пока ехали, Степаныч и наш водитель посвящали меня в реалии пятьдесят девятого года. Показывали на планшете, что и как выглядит. Как люди одеваются, какие деньги, цены, ну и всё такое. Всё же в те времена я не жил, но информационную подборку сделали солидную, есть что изучать. Этим я и занимался всю дорогу, потом на месте, пока переодевали в больничную пижаму, и даже пока лежал на столе. Ну, а дальше началось. И ведь сработало оборудование. А я ведь был до последнего уверен, что это если не розыгрыш, то просто ерунда полная. А оно сработало.

* * *

Очнулся я почти сразу. Сердце громко бьётся, вот-вот вырвется из груди, весь в поту, даже простыня, которой я накрыт, и та намочла. Но первое, что меня удивило, это тиши-

на. Никакого перестука колёс по рельсам. Да и лежал я на какой-то койке, но явно не в купе вагона, что шёл на Москву. Это что же, Ивана Белова, в которого я должен был вселиться, сняли с поезда и в больницу поместили? А это, судя по запахам, точно больница.

Я сомневался, что причиной попадания в больницу было грубое вселение моей души в тело Ивана, потому как всё болело, да и голова тоже. Причём травмы были физические. Как и боль.

Чтобы проверить, насколько я контролирую тело, я пошел велился, скрипнув койкой, и дотянулся... точно переселение, яйца и член на месте. Хм, и даже вполне целые. Живём. О, заработал! Теперь точно живём, главное опробовать на ком. Пальцы на месте, а ведь три под корень срезаны были, и у четвёртого фаланги не хватало, теперь тоже появились. Ура! Теперь всё на месте. Дальше, видя, что тело подчиняется всё легче и легче, стал ощупывать себя. На голове повязка, и ощущается шишка на темечке. Да ещё засохшая кровь на бинте. Такое впечатление, что Ивана хорошенько отоварили, а потом выбросили из вагона на полном ходу. Не поломался, но синяков наставил множество, судя по ощущениям.

Раз уж тело Ивана стало моим, теперь я отождествлял его с собой. Так вот, на мне было что-то вроде ночнушки на голое тело, как у женщин, вроде белое – снаружи ночь, особо и не разберешь. Темнота за окном, поэтому так и тихо, все спят. Однако контуры предметов я видел отчётливо. Зрение,

похоже, неплохое, утром узнаю точно. У другой стены – думаю, это действительно палата, – ещё одна койка, на которой кто-то сопит. Я же продолжил ощупывание, и тут вдруг наткнулся на усы на своём лице. Охренеть, откуда усы? Фото Ивана мне из поезда показывали, хоть и смазанное слегка, но точно не было у него такой растительности под носом, да и сам я эти трамплины для вшей не люблю. Да что там, терпеть не могу. Так это что, не Иван? И в чьё тело я попал? Хм, некоторое облегчение я всё же испытал: значит, не придётся убивать Ивана, его душу, ведь я должен был занять его место. Ну, а в том, что я занял тело не знаю кого, уже моей вины нет. Дело случая. Совесть это здорово успокаивало.

Аккуратно опустился на подушку. Голова немного кружилась, но состояние в общем было удовлетворительное. Встать я бы не рискнул, но сидеть мог. И вот, снова устроившись на перьевой подушке, продолжил рассуждать. Теперь я был уверен, что это тело не Ивана. Тот был коротко, поармейски стрижен, а у моего – кудри чуть длиннее, да и моложе я теперь, кажется. Ивану двадцать пять было, этому телу на пару лет точно меньше, а может, и того моложе. Голова свежая, никаких воспоминаний от прошлого владельца тела, так что придётся приспособливаться и изображать амнезию. Я мысленно вернулся к моменту, когда меня были должны отправить в параллельный мир. Я не винил Степаныча и его подчинённых, что я попал в другое тело, а возможно, и в другое время. Когда начался отсчёт, лаборато-

рию взял штурмом спецназ. ФСБ работало, судя по нашивкам. Пока ломали двери, создатель установки принялся что-то быстро делать с компом, но не закончил. Сергей Николаевич его застрелил, потом Степаныча, и стал зачищать всех, кто находился в помещении. За бронестеклом бесновались спецназовцы, всё видели, но ничего не смогли сделать. Меня убить не успел. Одна из пуль, пробив тело лаборанта, попала в блок оборудования, тот заискрился, сознание мигнуло, и я осознал себя в этом новом теле. Вот так мне повезло. Думаю, следующая пуля была бы моей. Он меня оставил напоследок по той причине, что я ремнями обездвижен был, поэтому сначала уничтожал тех, кто мог перемещаться. Я бы сам так же поступил. Похоже, этот Сергей Николаевич был так завязан в этом деле, что не побоялся пойти на зачистку, да ещё при свидетелях. А если он не дурак, то и здание с установкой заранее минировано, так что привет всем. У меня же, похоже, начинается новая жизнь.

Сам не верил, но получив результат, осознал. А ведь это всё по-настоящему. Придётся вживаться. Знать бы, куда я попал и в кого. Я ведь на пятьдесят девятый год готовился. Пусть той подготовки едва час, но хоть что-то, а тут самому всё придётся узнавать и познавать. А вот в кого я попал, узнаю только утром. Судя по усам, не ребёнок, одно это радует. Правда, усы так себе, редкая щёрстка, так что, видимо, парень молодой. Посмотрим.

С такими мыслями я и уснул.

Очнулся от звона – похоже, за дверью тазик уронили – и глухой ругани. Явно мужчина ругнулся, а потом шум стих. Сосед по палате тоже завозился, просыпаясь, койка с той стороны скрипнула. Снаружи уже посветлело, было раннее утро. Я же, откинув просохшую за ночь простыню, опустил босые ноги на деревянный, заметно холодный пол и стал осматривать себя. Ну точно не Иван, и всё тело в синяках. Скорее даже, один сплошной синяк. Это не с поезда скинули, били тело, причем серьёзно. Задрав рукава ночнушки, я изучил полосы на них. Кнутом, что ли, стегали? На руках понятно почему – закрывался.

Сосед, повозившись, сел, удивлённо наблюдая, как я, оттянув ворот, одним глаз изучаю свою безволосую хилую грудь, тоже всю в разводах синяков. Дышалось тяжело, думаю, рёбра не поломаны, а вот насчёт трещин не скажу.

– Ожил? – охнул тот. – А врачи думали, что не очнёшься. Три дня в кровати пролежал беспмятный.

Я же, отставив своё изучение, с интересом посмотрел на соседа, молодого парня лет двадцати. Также с усами. У них тут поветрие, что ли? Если усов нет, то не мужчина? Тот, заметив мой пристальный взгляд, спохватился:

– Извините, что не представился. Корнет Бельский, прохожу службу в третьем драгунском Новороссийском Е. И. В. великой княгини Елены Владимировны полку. Отправился на охоту, да видишь, неприятность какая случилось. Я, Бель-

ский, упал с коня! Расскажешь кому, не поверят, а в результате – перелом ноги.

Он откинул простыню, и я увидел загипсованную ногу. После этого корнет вопросительно посмотрел на меня. А мне и сказать нечего. Всё вокруг было такое... Даже и не поймёшь, какой год, но то что царские времена, уже ясно. То есть явно не пятьдесят девятый год и тут не Советский Союз. Будем вживаться. Да прямо сейчас и начнём.

– Простите, я не могу представиться, я... – я сделал драматическую паузу, – не помню, кто я, где нахожусь и какой сейчас год. Может, кто расскажет, кто я такой?

– Ох ты, батюшки, – разволновался корнет и, дотянувшись, взял костыль непривычной мне формы и запрыгал к двери. Открыв дверь, он покричал санитару и, не дожидаясь ответа, вернулся. А когда заглянул санитар, пожилой мужик за пятьдесят, в застиранном халате поверх старой формы, корнет велел ему: – Позови Андрея Константиновича, скажи, подпоручик Волков очнулся. И поторопись.

– Слушаюсь, ваше благородие, – кивнул тот и, бросив на меня быстрый взгляд, закрыл дверь.

Проанализировав произошедшее, я решил поинтересоваться:

– Скажите...

– Сергей Николаевич.

Мысленно подивившись тому, что имя и отчество корнета такие же, как у бывшего соратника Степаныча, я продолжил:

– Скажите, Сергей Николаевич, что со мной случилось? Кто я и где я? Какое сейчас время?

Видимо, с последнего вопроса тот и решил начать отвечать:

– Без Андрея Константиновича, конечно, нежелательно, а он хороший врач, вон мне как гипс наложил, но я всё же отвечаю. Сейчас май. Третье мая тысяча девятьсот четырнадцатого года. Мы находимся в больнице города Калиш, он рядом с германской границей расположен. Сам я тут случайно оказался. На охоту был приглашён, но что с вами случилось, мне известно, ваши сослуживцы рассказали, вчера приходили. Вы подпоручик Волков, Игорь Михайлович, дворянин, прошлой осенью закончили Константиновское артиллерийское училище в столице, прибыли в сто двадцать второй пехотный Тамбовский полк, одна часть которого расположилась тут у Калиша, а другая составляет гарнизон города. Насколько я знаю, вы числитесь за одной из батарей артбригады. Три дня назад вы вечером верхом отправились в Калиш, в одиночку, и на вас напали бандиты. Не убили только потому, что их спугнул солдат-посыльный. Так он вас как были, обнажённого, в свою шинель завернул и привёз в больницу. В госпиталь ехать далеко, эта земская больница ближе оказалась. Бандиты не только коня увели, форму сняли, документы забрали, но и оружие и вашу шашку.

– Да-а, дела, – задумчиво протянул я. – Сергей Николаевич, я мог бы вас попросить об услуге?

– Да, конечно, говорите.

– Не стоит врачам знать, что у меня с памятью плохо. Исправить они вряд ли смогут, а я надеюсь, что чуть позже она восстановится. Всё же я офицер и не хотел бы, чтобы меня списали. Скажу, что нападения не помню, а вылечившись, покину стены больницы.

– Хм, хорошо, как пожелаете, Игорь Михайлович, я промолчу.

– Благодарю.

Врач появляться не спешил, видимо ещё спал. Пока поднимут, пока подойдёт... Пользуясь возможностью, я расспрашивал своего соседа о том, куда попал. О себе не спрашивал, всё, что он знал, уже выдал, он даже мой возраст не знал. Сказал, что даже по виду не определить, сколько мне лет, такой я пятнистый. Может, двадцать: если в прошлом году из училища выпустился, то девятнадцать-двадцать должно быть.

Потихонечку я информацию вытягивал, и старался ее систематизировать. Однако разговор как-то всё больше скатывался на девочек и спиртное: местные панночки корнета восхищали. Так что сфера его интересов мне была понятна: девки да пьянки. В общем, не особо интересный собеседник, но пару раз нужную информацию я от него получил, жаль он не умел сосредоточиться на нужной теме.

Только через час после того, как санитар был направлен за врачом, тот соизволил прибыть. В принципе, понять его

тоже можно, раз очнулся, жить будет, куда спешить? Тут, как я понимаю, ритм жизни вообще неспешный. Андрей Константинович был молод, лет тридцати, при этом он оказался единственным врачом в больнице. Да и больница не так и велика, построена на пожертвования купцов. Врач был весел и его сопровождал тот самый санитар. Женщин в медперсонале я пока не обнаружил.

Сверкая улыбкой и расточая аромат, по нему сразу становилось ясно, что завтракал он кофе с булочками и вареньем, кажется вишнёвым, Андрей Константинович осмотрел меня, велел лечь, а потом встать. Я встал и даже прошёлся по комнате. Самочувствие, конечно, так себе, в голове нарастала пульсирующая боль в дополнение к лёгкому головокружению, однако ходить я мог. Описав симптомы врачу, я лёг на койку, после чего тот сообщил, что через пару недель меня уже можно будет выписать, ну и если я пожелаю, то меня могут перевести в военный госпиталь. Только дорога до него займёт порядка тридцати километров. Я задумался и поинтересовался, даст ли он мне направление на пару месяцев для излечения дома, на что легко получил согласие. Останется только подтвердить отпуск в штабе той части, где я теперь служу.

После этого начался уже нормальный опрос, – внешний осмотр был окончен. Тут я и ошарашил врача небольшой амнезией. Мол, всё помню, дом, училище, поезд, а как прибыл в часть, своих сослуживцев, да и что произошло – как от-

резало. Ну, и надеюсь, что за время восстановления, отдыха и лечения память восстановится. Андрей Константинович одобрил мои намерения и тоже понадеялся на это. Прежде чем уйти, он сообщил, что сослуживцы прислали мне смену формы и мои вещи – то есть вещи бывшего хозяина тела. Насчёт восстановления документов вопрос решался в штабе полка. В общем, все мне сочувствовали. Но была одна тонкость. Волков, хозяин тела, в город отправился в самоволку, да и изрядно пьян был, что и позволило его так легко скрутить. И за это придётся, видимо, отвечать мне. Если командование полка, куда временно для усиления входит батарея, вообще не замнёт дела, решив, что я и так наказан.

Когда врач ушёл, осмотрев и опросив корнета, мой сосед только головой покачал:

– Ох, и горазды же вы лгать, Игорь Михайлович. Я бы не смог, воспитание не позволяет.

– А я не помню. Да и лжи-то было не так много, часть я просто умолчал, так что, мне кажется, нормально. А пока отдохну, а то что-то после осмотра голова разболелась да комната перед глазами кружится.

В этом я тоже солгал, чувствовал я себя не так уж плохо, просто общаться с таким идеалистом не хотелось. Не ври, не убей, не возжелай жену ближнего своего... может, ещё не дышать? Тоже мне, нашёл святошу. Устроившись на койке, я потрогал крестик на шее. Как сглазил: после завтрака с жидкой каши, пришёл поп, да ещё местный, а ведь есть ещё

полковой. От этого я быстро отделался: сообщил, что голова раскалывается, и тот убыл. Я же вызвал санитаря с бритвенными принадлежностями и сбрил это недоразумение под носом. Причёску пока не ровнял, бинт мешал. Расплатиться за бритвё мне было нечем, пообещал чуть позже это сделать. Однако тут сосед помог, дал копейку, это стандартная такса за бритвё, а меня ещё и побрили, убрав лёгкую щетину.

После обеда ко мне прибыл местный жандарм. Тут он от меня ничего не смог добиться, только пребывал в удивлении, что я держусь с ним подчёркнуто вежливо, а не фыркаю, как корнет или другие из офицерской касты. Даже руку пожал на прощание и поблагодарил. Сосед от этого совсем скривился, однако мне было всё равно, я получил от поручика то, что хотел, а именно, информацию о нападении. Не он вёл это дело, чуть позже стоит ожидать прихода полицейских, но интересовался и всей информацией владел.

Вот что он мне сообщил. Я понимаю, почему жандармы заинтересовались этим делом: нападение на русского офицера, да ещё поляками, могло принять политический аспект. Так вот, со слов того посыльного, а солдат из пограничников был, тут в городе, кроме штаба пехотного полка, где я теперь буду проходить службу, также находился штаб отряда пограничной бригады, нападавших было шестеро. Он издали понял, в чём дело, и стрельнул в воздух, ну те и испарились, тоже конно были, да ещё с бричкой. Ну, а когда подскакал, обнаружил обнажённое тело. Причём опознал, Игорь

ему навстречу попался за час до этого происшествия. Взял в седло, укутав в шинель, холодно всё же, и вот отвёз до города, до которого пару километров оставалось. Со слов солдата, троих он хорошо запомнил, узнать сможет, если покажут, а описать вряд ли. Дело о нападении заведено, ищут. Это пока всё. Главное, я узнал данные солдата, пояснил, что хочу поблагодарить его. Когда поручик ушёл, я, под бурчание соседа, задумался. Что мне делать?

Непростой вопрос. Ну, воевать буду, это не обсуждается, для того и сделал вид, что годен к службе при лёгкой степени амнезии: Родина для меня не пустой звук, это же русские, свои. Точную дату объявления войны я не помню, но вроде в августе, значит, пара месяцев у меня есть. Неделю-другую проведу в больнице, пока займусь собой и телом, чтобы хоть немного привести в кондицию. А то, извините, дрищ натуральный. Так вот, два месяца у меня есть, посету столицу и зачищу тех, кто виноват в провале войны. Да-да, я хоть и далёк от всей этой истории, но прочитал книжку про эту войну, и там автор довольно толково раскладывал, кто в чём виноват. Необходимо срубить голову этой гидре, из-за которой наши и терпели поражение за поражением, если проще, избавиться от засилья генералов, для которых неоспоримое право на существование имеет артиллерия, стреляющая ядрами, а оружие пехотинца – копьё. А уж если это копьё ещё и стреляющее, так совсем хорошо. Именно Ник Ник, дядя императора Российского, виновен в развале армии, кражах

и вообще во всём. Всё делалось с его одобрения, а под такой крышей можно творить что угодно. Уберу его, пока он не стал Главкомандующим, его ставленников, и вернусь сюда в полк, чтобы начать войну от границы. Посмотрим, как в результате она пойдёт. Будут ли изменения. От корнета же узнал, что история тут идёт пока так же, император, как и у нас, Николай Второй, остальные политические аспекты тоже схожи, так что война не за горами.

Сам отлынивать не буду, встречу войну на своём посту, хотя к артиллерии отношение косвенное имею, а точнее, совсем не имею никакого отношения. Но надеюсь, смогу что-то сделать. Там уже по факту будет видно. Может, в пулемётчики переведусь? Также вполне наша специализация, артиллеристов. А пока же недостаточно информации. Буду собирать.

* * *

Шёл я лёгкой походкой, ощущая за поясом тяжесть старого потёртого «нагана». Тот был прикрыт полой пиджака. Мне его временно дали, потом нужно будет вернуть.

Я прогуливался вечером по улочке Калиша, тут довольно значные места, посматривал на солдата, что шёл метрах в пятидесяти от меня. Это был тот самый пограничник, что спас Волкова. Лицо у него было сосредоточено, а глаза перебегали по лицам и фигурам прохожих, особенно завсегда-

ев трактиров: он выискивал тех, кто напал на подпоручика. Полицейские ясно дали понять, что работали точно местные. Есть подозрение на сына здешнего купца, но солдат его не опознал. Так что, если и в этот раз не выгорит, а мы уже в третий раз так прогуливаемся, буду брать купчонка и потрошить его.

Мсть – это лишь для отвода глаз. Истинная же причина – это бедственное положение Волкова, а теперь и моё, в финансовом плане. Волков оказался, несмотря на возраст, выпивхой, бабником и картёжником. Как в нём всё это совмещалось, не знаю, но он был нищ, как последний бомж, даже проиграл десять своих зарплат наперёд и был должен половине офицеров полка и в своей батарее, где служил. До такой степени, что денег ему уже не давали. Волков, к моему удивлению, ещё и педантом был, и долги в блокнот записывал. Что отдал – тоже. Я его каракули разбирал потом весь день, ведя подсчёт. Полторы тысячи тот задолжал. Цены местные я знаю, так что появилось желание придавить гада за такой сюрприз. К счастью, он уже и так мёртв, как я уже говорил, откликов памяти или души прежнего хозяина тела не было, так что, считай, в расчёте. Офицеры, узнав об амнезии, заволновались, вдруг не отдам, но я показал блокнот ходокам, что там всё записано. В результате я видел единственный способ достать деньги и расплатиться с долгами – это ограбить. Семья у меня теперь большая, как смог выяснить, вот только от финансового потока отец Игоря отрезал, когда

тот выщыганил у него две тысячи под разными предлогами. Так что идея неплоха: найти тех, кто напал на Волкова. Ну и заодно отомщу. Жаль, банк не ограбишь, одно отделение Русско-Восточного банка тут было. Сразу поймут, откуда у меня деньги взялись.

В больнице я пролежал десять дней. Повреждения оказались не такими уж серьёзными. Больше опасение вызвала амнезия. В Калиш даже военный врач из армейского госпиталя приезжал, осматривал меня. Он и утвердил прошение об отпуске на лечение, продублировав его в штаб полка, через канцелярию которого я теперь прохожу. Бинты сняли, швы тоже, лишь шрам остался, но и он подживал. Пришлось фуражку или шляпу постоянно носить, чтобы не демонстрировать его. Потом и заметен не будет, особенно когда сбритые волосы отрастут. Да и следы на лице пока яркие: сильно пожелтевшие синяки и разбитая губа, – на теле-то синяки одежда скрывает. Странно, что зубы все целы, похоже вовремя солдатик спугнул бандитов. Хм, следы кнута наводят на размышления. Может, мстил кто Волкову за что-то? Это тоже нужно выяснить, оставлять врагов за спиной не стоит.

Ко мне приходили сослуживцы, трое. О моей беде с потерей памяти уже знали, поэтому и выдали всю необходимую мне информацию. С остальными познакомлюсь чуть позже. Даже мой непосредственный командир приезжал, командир батареи капитан Гуров. Кстати, в этой батарее только мы двое офицеры, а вооружение состоит из восьми «трёхдюй-

мовок», лёгких пехотных орудий калибра семьдесят шесть и два миллиметра. Некомплект на батарее командного состава явный, там четверо минимум должно быть. Кстати, тут же узнал, отчего Волков в город пошёл. А ему первого мая девятнадцать исполнилось, закатил банкет, хорошо все нажрались, ну а у него зачесалось, вот в город вечером и поехал. За женской лаской. Ну, а что вышло, уже известно.

Что касается личных вещей, то их принесли, ещё когда я без сознания был. Лошадь пропавшая казённая, служебная можно сказать, а вот всё остальное исчезнувшее принадлежало Волкову. Вещи, что принесли со съёмной квартиры, уместились в дорожный саквояж и чемоданчик. Больше ничего не было. Так что на второй день после того, как очнулся, я велел принести их мне и стал изучать. В саквояже нашлась повседневная форма и два комплекта нательного белья, слегка ношенное, но как раз по мне. Фуражка имелась, а вот сапог не было. Оказалось, у Волкова всего два комплекта формы было: парадная, которая пропала вместе с шинелью, когда к девицам ехал, и вот эта повседневная. Почему-то в единственном экземпляре, как и сапоги. С последними я вопрос решил, мне вместе с вещами передали двадцать рублей. Офицеры скинулись. Даже не знаю, чем отблагодарить. На эти деньги я выкупил у одного местного офицера заметно ношенные сапоги, но моего размера, и офицерскую ременную систему с пустой кобурой. Почти всё и ушло, полтора рубля осталось. Да, к сапогам прилагались портянки, чи-

стые. Обзаведясь формой и обувью, я теперь мог покидать палату, накинув сверху больничный халат, и гулять по саду. Кобура, пусть и без оружия, это хорошо, но тут все с саблями или шашками ходили, и мне как артиллеристу положено её иметь. Раз потерял, должен сам приобрести. Но это дело будущего. Тут же в саквояже я обнаружил блокнот с долгами. В чемоданчике нашёлся походный несессер, бритвенные принадлежности, платков шесть штук с инициалами в уголке, мужской гражданский костюм с туфлями и шляпой, полотенце, кое-что из утвари, походный котелок, кружка, ложка и глубокая тарелка, явно всё пользованное, и не раз, плохо очищено.

Также были книги по теории артиллерии и разным расчётам, и всё такое. Вот это интересно, почитаю. Также имелась большая пачка писем. Из них я и узнал всю историю жизни Волкова. Ну, почти всю. Семья у него большая. Родители, три сестры, две младшие и старшая, что уже замужем, и брат, младший, шестнадцать лет ему. В гимназии учится. У родителей поместье под Москвой, небольшое, но отец хорошо заботится о нём, поэтому имеет стабильный доход. Однако не для оплаты шалостей старшего. Также хватало дядюшек и тётюшек. Большая семья, что уж говорить. Даже дед с бабушкой живы. В Москве большинство живут, а в столице никого, думаю, из-за этого Игорь туда и удрал в училище, от заботы и внимания. В общем, нормально, нужно будет помириться и посмотреть, за кого я воевать буду. Тут даже фото-

карточка хранилась всей семьей, включая Игоря в новенькой офицерской форме. Родители сидели на стульях с прямыми спинами, а дети стояли вокруг. Видимо, когда направился по назначению, Игорь навестил родных и сделали вот это совместное фото. В будущем выясним.

Первые три дня у меня шла акклиматизация, я просто гулял по больнице, выходя только в сад, учился ходить, телом овладевал: координация новая, Волков ниже меня на полголовы. Мелкий такой живчик. Лицо обычное, русское незапоминающееся, глаза зелёные, шатен. Потом лёгкие занятия пошли. Никаких силовых, сразу в голову отдаёт, лёгкая атлетика, ничего более. Тем более врач тоже не возражал, посмотрев за моими упражнениями. По недописанному письму Игоря родным я старательно учился писать, копируя его почерк, да еще пришлось изучить местную грамматику с её ятями и остальным. Причём этот не простой экзамен я, похоже, сдал. Ещё в больнице написал письмо родным, не длинное, на пару страничек, тем более я уже знал, что штаб полка отправил им сообщение. В письме я их успокаивал, мол, всё нормально, жив, легко отделался. Ну и так, мелкие новости сообщил для отвлечения внимания. Вроде получилось, но надо ещё тренироваться.

А уже когда я выписался и снял комнату в Калише, мне корнет деньги ссудил, пятьдесят рублей, и я получил ответное письмо. В общем, обо мне беспокоились, ну и ожидали меня у себя. Я ведь известил их, что мне обещали время на

излечение, но пока было рано выезжать. Я занял у корнета его второе оружие, тот самый «наган», на котором он учился стрелять, из-за чего тот был сильно изношенным, и усилил тренировки. Голова уже не болела, да и головокружения прекратились, поэтому я занялся поисками.

Посетил пограничников, их тут тоже не сильно уважали, мол, под таможенниками, фактически гражданскими ходят, но это другие, я такой фигни не показывал. Вежливость и внимание – это наше всё. Пара бутылок польской «Зубровки», местной водки, корзина с закусками – и вопрос решён, того солдата мне выдали на три дня. Он в местных казармах проживал. Кстати, я его отблагодарил за спасение червонцем. То есть десять рублей выдал. Ну, и дальше с утра, когда он от казарм прибегал, мы гуляли по городу и солдат всматривался в лица прохожих. Особенно в тех местах, где всякая сволота собирается. Сам я эти шесть дней, с момента как покинул больницу, то и дело что занимался зарядкой, пробежками, пока трусцой, нормальным бегом рановато, да и делал это на рассвете, когда ещё только рассветало, чтобы не пугать очевидцев. Возвращался на квартиру, мылся и шёл гулять с солдатом. Кормил его я же, деньги утекали, но я не отчаивался, и, как показало дальнейшее, не зря.

– Ваше благородие, – подойдя, привлёк к себе внимание солдат. Говорил тихо.

– Увидел что? – так же тихо поинтересовался я, делая вид, что мы с ним совсем даже не знакомы.

Он был в своей форме, изображал праздношатающегося, увольнительная на кармане, а я делал вид, что простой гуляющий, не офицер, в гражданском костюме был. При солдате документы имелись, а мне не сделали новые. Точнее, дали справку из канцелярии полка об утере старых. Пока хватит, а дальше я или свои верну, или новые сделают, там уже сделали запрос, чтобы выслали бланк офицерского удостоверения. Надеюсь, форму и остальное, что сняли с Игоря, бандиты не уничтожили. Не проблема, возместят, своими жизнями в том числе, но хотелось бы всё же вернуть. Особенно шашку артиллериста, оружие, ну и сами документы. Остальное как получится. Как я уже говорил, вместе мы с погранцом не ходили, но держали на виду друг друга, а тут сам подошёл, вот и вот привлѣк моѐ внимание.

– Та бричка, что у трактира стоит. Это она там была, ваше благородие. Узнал я её, да и коней те же. Вон пятно у правого на бабке белое. А возницу не узнаю. Может, и он, но далеко было, да и темнело быстро.

– Понял. Держи, – сунул я тому пять рублей и шепнул: – Свободен. Больше ты мне не нужен.

Тот лишь кивнул, я отучил его козырять мне, когда я в гражданке, и вскоре скрылся. Дело своё сделал, оплату честно заработал, так что пошёл прогуливать, увольнительная ещё не закончилась, а я, определив по солнцу, что до заката ещё часа четыре, обошёл трактир по соседней улице и стал наблюдать за бричкой с другой стороны. При этом старался

не привлечь внимания. Та недолго простояла, я с интересом изучил того, кто в неё сел. Это был парень, по мне – достаточно молодой, лет тридцати, с тонкими щегольскими усиками, ну и возница его куда-то повёз. Я же быстро остановил пустой экипаж – повезло, мимо проезжал – и велел вознице ехать за бричкой, пояснив, что по ноге мне проехала и я горю праведным гневом. Слова подобрал, видимо, правильные, так как возница тут же стал меня отговаривать. Мол, плохой тот человек, бандит, хотя официально считается директором трактира и зятем довольно обеспеченного купца, только жену и тестя в кулаке держит и всем заправляет. В общем, информацию выдал именно ту, что мне требовалась. А из трактира молодчик катил к дому, где и проживал с женой и тестем. Видать, ужинать. Очевидно, в трактире кормёжка не нравится.

Я сделал вид, что возница меня уговорил, убедил, расплатился, посмотрел, где живёт молодчик, подступы изучил, и, проверяясь, направился на место постоя. Нужно подготовиться к ночной акции. Тянуть уже нельзя. И так финансы поют романсы, полтора рубля осталось из тех, что корнет дал, так ещё пора покидать Калиш и отправляться сначала в Москву, а потом и в Питер. Разрешение на отпуск, как и на посещение родных, я в полку получил. Там работы очень много ждёт, да и встреча с семьёй предстоит непростая, что тоже слегка нервирует. Сам себе удивляюсь. Это в прошлом мире я был волком-одиночкой, а тут есть о ком

думать и о ком заботиться, пока собственной семьёй не обзаведусь. Мой костюм, конечно, привлекал внимание, явно дорогой пошив, столичный портной работал, и материал дорогой, и работа. Тут что попроще носили, но ничего другого у меня не было. Не носить же бедняцкую одежду, что я купил на рынке два дня назад. У Волкова, похоже, вообще всё такое – дорогое и столичное, видимо пытался придать себе столичной лоск. Что в форме, что в этом костюме. Однако и молодчик, я даже не стал запоминать, как его зовут, всё это проходное, тоже, заметно, был одет дорого и качественно. Не местные портные шили, явно не их уровень. Как ни странно, я в этом разбираться начал, видимо свойственная мне общая наблюдательность помогла.

Дождавшись, когда хозяйка в соседней комнате уснёт, я оделся и прихватил саквояж, в котором только одежда бедняка лежала да лёгкая, сильно стоптанная обувь. Ничего другого купить не смог, денег не хватало, зато пакетик жгучего перца и табака взял и смешал их. Это на случай отхода подготовился. Частный дом удалось покинуть без проблем, даже пёс не заворчал в будке. Покрутившись по ночным улочкам и посыпая след смесью перца и табака, чтобы по этим следам не вышли на место моего постоя, я в пути переоделся, убрав свой костюм в саквояж, и, хотя меня била крупная дрожь от холода, быстрым шагом направился к нужному особняку. Май на дворе, днём жарко, а вот ночью пока ещё холодно, а тёплой одежды у меня не было.

Я подкрался к строению. Собаки не было, в этом я ранее убедился, видимо хозяин сам не хочет показывать соседям, что занимается ночными делами. Хотя они у него явно были, потому как у дворовой калитки стояла та самая бричка и сидел в ожидании извозчик. Я подкрался к нему со спины и всадил нож в грудь, он даже вскрикнуть не успел. Удалось это сделать без проблем. Крепко удерживая тело, я дождался, когда агония и судороги прекратятся. Нож из раны я не вытаскивал, заперев её таким образом.

Возница остался сидеть, как будто задремал. У меня остался ещё один нож, также купленный на рынке. Качество так себе, но я их хорошо наточил и, подобравшись к калитке, стал ждать. Возничий не просто тут ждал, значит, что-то будет. В одну руку я взял «наган» – не хотелось бы шуметь, но пусть будет, в другую – нож. Ждать пришлось недолго, уже через пару минут послышались голоса, похоже молодчик был не один. Зашумел запор, и выглянул один из местных. Он меня не заметил, я лёг на траву и слился с нею, слишком ночь тёмная, чтобы засечь меня. Да и одеяния темные. Убедившись, что вокруг никого, он вышел и направился к бричке. Следом – ещё двое. В центре вроде тот молодец, директор трактира и зять купца. Вскочив, именно его я отоварил рукояткой «нагана» по темечку, одновременно ударив ножом второго в шею, чтобы перерубить позвонки. Нож для этого хорош был, тяжёлый. Тот стал заваливаться на спину, а я уже был в прыжке к тому, что стоял у брички и шёпотом

окликал возницу. Шум привлёк его внимание, он начал разворачиваться, да не успел, лишь судорожно вздохнул, когда нож вошёл точно в солнечное сплетение. И этот готов, умер почти сразу.

Я закинул трупы в бричку, сверху молодчика, и связал его ремнями, потом и возницу к ним, ну и покатыл к выезду из города. Управлять двумя конями было непросто, но я справился, и мы выехали из города. Теперь отъедем подальше, и можно будет пообщаться.

Уехал я не так и далеко, километра на три. Встал на берегу речки Просны, что протекала через город. Сбросил тела на землю – на дно речки отправятся чуть позже – и шустро их обыскал, подивившись тому, как они были оснащены. Оружие и ножи у всех. Похоже, собрались на какое-то дело, и я помешал их планам. Причём платил трактирщик, потому как у двоих его подручных я обнаружил одинаковую сумму ассигнациями, в пятьдесят рублей. Может, это аванс? Потом узнаю. Оружие представляло собой два «нагана», есть цвет, номер у одного схож с тем, что числился за подпоручиком Волковым – вот идиоты! А у их старшего в кобуре под пиджаком был небольшой шестизарядный «браунинг» для скрытого ношения, два запасных магазина прилагалось. Я всё это прибрал. К тому же у него портмоне имелось, и в нем без малого двести сорок рублей. Уже неплохой куш, но этого мало, перед отъездом я планировал закрыть все долги.

Ранее я уже работал по подобным темам – проводил до-

просы. Бывало, что заказчикам было важно знать, какой информацией владеет тот или иной человек, и сохранность тушки их не особо волновала, так что работать с пленниками я умел. Учиться начал ещё на службе, брали мы тогда «языков», а на гражданке продолжил и усовершенствовал знания. Всё же приятно, когда всё на месте, – это я о пальцах сейчас. Член пока без работы. На женщин денег нет, так что пока не испытан в реальных условиях, хотя очень хотелось. Как говорил один премьер-министр, денег нет, но вы держитесь. Вот и я... держался. Пальцами я быстро овладел, уже не вспоминается, что у меня их не было, пользуюсь как родными. Ну, и левую руку разрабатываю и учусь ею пользоваться. Игорь правой был, а я обоерукий.

В общем, молодчика я не жалел, сердце у него, похоже, крепкое, выдержит. И если он поначалу хорохорился, то потом изливал душу мне как самому близкому человеку. О том, что я последний человек, которого он видит в жизни, я ему не говорил. Суть установления контакта при допросе – это доверие. Я проходил курсы психологии и теперь в этом разбираюсь.

Вот что мне удалось узнать. Игорь к ним в руки просто случайно попал. Я-то уж думал, что он и молодчику этому денег задолжал, но нет, те просто развлекались, суки. К слову, Волков у них не первый был, а третий. Двух других офицеров они просто убили. Ну и ещё полтора десятка солдат у них на счету. Преимущественно пограничники, этот молод-

чик был одним из местных контрабандистов. Точнее, он всю контрабанду держал на этом участке границы. Все местные несунуны на него работали. Также я выяснил, где хранились вещи Волкова, а теперь и мои: кроме «нагана», который я уже вернул, всё хранилось на хуторе, принадлежавшем человеку этого контрабандиста. У того на подворье аж три тайника и одно хранилище. Много чего там ценного. Это ещё не всё, я был уверен, что где-то имелся запас на чёрный день, и он меня интересовал. Оказалось семьдесят пять тысяч ассигнациями и часть золотыми монетами в тайнике ещё тысяч на тридцать, там же левые документы и всё такое. Оружие, часть валюты. Видимо, прикидывал возможность уйти за кордон. А вот в дом его тестя я лезть не собирался. Зятек его и так пограбил, пусть хоть что-то останется. Мне вполне хватало тайника со средствами для побега и того, что на хуторе наберу. В хуторе будет проще работать, хозяин бирюк, один живет. Три здоровых пса, и всё. Ну что ж, прокатимся. Только сначала тут следовало подчистить.

С трупами я разобрался быстро, хоть и грязно. Вспорол животы, набил камнями и сбросил в воду. Самое ценное забрал с собой. Остальное тоже в воду. Ну, и сам отмылся от крови. Ох, и холодна водица, ведь ещё не лето, однако пришлось вытерпеть. Надел пиджак молодчика – хоть и измаран в крови, пока на трупах лежал, зато мне тепло, а он пусть померзнет, – устроился на козлах и покатил к хутору. На перекрёстках молодчик мычал, я выдёргивал кляп, и он хрипло

сообщал, где нужно повернуть. Так и доехали.

Хутор оказался от города километрах в девяти. Не так уж далеко, но и не близко, а мне ещё возвращаться. Надеюсь, до рассвета успею. В пути мы свернули и на полчаса задержались – показывал мне свой тайник. Хитро придумано, натуральный схрон-берлога. Погреб, вниз спускаешься по лестнице, там топчан, есть печка, дымоход сделан, запасы провизии в бидонах, чтобы мыши не погрызли. Я зажёл керосиновую лампу и начал осмотр. Нашел оружие, но короткоствола почему-то не было, хотя патроны к нему обнаружались. Из дальнобойного оружия имелось три винтовки Мосина, два германских карабина «Маузер», что в это время принят на вооружении в германской армии, ну и пулемёт. «Мадсен» этот куплен в магазине с той стороны, оказывается. Ничего себе, там даже ручные пулемёты продают? Мне он, конечно, интересен, но пулемёт под германский патрон семь девяносто два и пятьдесят семь миллиметров. Ладно хоть тут целый ящик патронов к нему был, и все одного типа – разрывные. Полторы тысячи патронов. К пулемёту прилагалось три запасных магазина в подсумках.

Тайник с запасами был скрыт под топчаном, закопан в бидоне. Я не поленился раскопал, осмотрел, и остался доволен. Лишь пачку банкнот взял, примерно тысячи две, а остальное вернул как было. После этого поднялся наружу, помог выбраться бывшему хозяину схрона, по его словам, никто кроме него об этом месте не знал, ну а те, кто его выкопал,

давно покоятся под землёй. Крышку я закрыл и также замаскировал. Жаль, гранат нет, ещё бы и растяжку поставил. Но и так нормально. Схрон находился в небольшой роще, которую днём видно насквозь, поэтому я старался не оставлять следов.

Выведя молодца к бричке, я повёз его дальше, и мы наконец оказались у хутора. Тут я его привязал к колесу, кляп вставил, после чего направился к воротам. Разбудить хозяина труда не составило: я просто стал ломиться в ворота, собаки лай подняли. Ну, а когда тот вышел во двор с вопросом, кто там припёрся, я представился корнетом из погранотряда. Мол, есть сведения, что тут контрабанду хранят. Ругаясь на разных доносчиков, он направился к воротам, убеждая меня, что это навет и поклёп. Как только он открыл ворота, сразу получил рукояткой «нагана» по голове, выронил факел, что в руках держал, ну и упал. Упаковав его, я изучил двор и все постройки, включая дом. Никого. Только после этого я завёл бричку во двор, где и посадил обоих пленников рядышком у стены сарая и рывкнул на иступленно лаявших собак, велел им заткнуться. Псины не унимались. Пришлось сходить в дом, прихватить подушку и, используя её как глушитель, четыре раза выстрелить. Одного добивать пришлось. Вот теперь тишина наступила. Псин жалко, те всё же на службе были, но дело серьёзное, а тишина – наше всё.

Расколоть хозяина хутора также удалось без проблем. Он тут жил как наёмный рабочий, хутор принадлежал все тому

же молодчику. Бирюк мне сдал не только ухоронки своего хозяина, но и свои, обогатив меня ещё на пять тысяч – тут и российские рубли были, и германские марки, и золотые монеты, но итоговая сумма, по моим прикидкам, была именно такова. Все схроны я вскрыл и осмотрел. Половина оказалась пуста, большую часть контрабанды уже расторговали, а новых поступлений не было, но интересное для себя я всё же нашёл и, используя обоих пленников как грузчиков, заполнил бричку. В основном патронами и консервами – германскими. Также все свои вещи нашёл, даже служебное седло, форму, документы, оружие, то есть шашку. Ну и награды тех офицеров, что тут погибли, у одного «клюква» была, как называлось аннинское оружие – неофициальное название оружия с закрепленным знаком ордена Святой Анны 4-й степени. В данном случае на сабле была еще и гравировка «За храбрость», которая наносилась в случае награждения за военные подвиги. Офицер был заслуженным.

Также тут была запасная касса молодца в размере тридцати тысяч. Лично для себя, кроме средств, я взял шесть пистолетов «Маузер». Те в ящиках были, ещё в консервационной смазке. патронов, жаль, к ним не так много, они внешне сильно похожие были на те, что от советского пистолета ТТ. По две сотни на ствол. Ну, и трех молодых жеребцов прихватил. Моего коня служебного уже на ту сторону отправили с очередной группой несунув. У него армейское клеймо было, тут не продашь, а с той стороны легко. Эти три коня

не клеймённые, можно забирать.

И мы поскакали к схрону. Двое пленников сидели на неосёдланных лошадях, привязанные к задку. Я им руки спереди связал, чтобы за гривы держались. Добравшись до места, остановил бричку у дороги, чтобы следов не оставлять, с помощью двух почти добровольных грузиков перенёс всё к схрону, а потом спустил вниз и аккуратно расставил теперь уже моё имущество. При себе оставил только три тысячи, личные вещи свои и убитых офицеров, ну и один «маузер». Дальше ликвидировал обоих свидетелей, отправил их в речку там же, где от других трупов избавлялся, и на бричке вернулся в город, когда уже рассвет готовился вступить в свои права. Успел вовремя. Всё отнёс во двор втихую. Сюда же коней завёл, всех трёх, а бричку подальше отогнал и бросил её.

Я успел помыться, избавился в нужнике от одежды крестьянина, где и утопил её, а поднявшись к себе, вскоре уснул. Ночка та ещё выдалась.

Проснулся я от крика хозяйки дома со двора. Тут же в одном офицерском нательном белье подорвался с кровати, но с «наганом» в руке, и оказался во дворе. Та стояла и тыкала пальцем в лошадей, две сумки и седло, что лежали у крыльца. Естественно, деньги там были, но не все, две тысячи, остальное у меня под матрасом в снятой комнате хранилось, на них у меня имелись совсем другие планы.

Высочив на двор, я с удивлением осмотрел коней и вещи. К одной из сумок была прикреплена записка. Я покрутил револьвер на пальце, невольно присвистнув. Так крутить револьвер безопасно, под курком была пустая камера. Извинившись за свой вид, я скрылся в доме. Раз опасности мгновенной нет, то нечего в неглиже ходить. Быстро оделся, застегнул португепю, поправил складки френча и, на ходу убирая выпрошенный у соседа по палате «наган» в кобуру, вернулся во двор. Хозяйка, вдова лавочника, уже читала записку.

– Это вам, – сообщила она, протягивая листок.

Подойдя, я быстро пробежался глазами по неровным строкам и демонстративно поднял брови в удивлении. Я знал, что там написано, старший контрабандист в городе писал под мою диктовку:

«Прошу прощения за случившееся, бес попутал. Возвращаю его благородию подпоручику Волкову его вещи и извинения в виде трёх коней и небольшой суммы наличностью, надеюсь, этого хватит для компенсации принесённых неудобств. Аноним».

– Однако, – только и сказал я, с удивлением посмотрев на хозяйку. – Похоже, это те бандиты, которые на меня напали.

Об этом в городе было известно. В лицо-то меня не особо знают, но о случившемся наслышаны. Убрав записку в нагрудный карман, я присел у сумок и, открыв одну, взял саблю, что лежала сверху. Ту самую, наградную, с «клюквой».

– Так это не моя сабля, – с недоумением сообщил я. – Они что, ещё на офицеров нападали?

Дальше изучать я не стал, несмотря на жадное любопытство хозяйки, а, прихватив обе сумки, сообщил, что посмотрю у себя в комнате, оставил седло на месте, а всё остальное отнёс к себе. Хозяйка сообщила, что пока воды коням принесёт, а то они уже маются от жажды. В комнате я сменил сапоги на старые волковские из сумок – они отлично разношены, яловые, – прицепил шашку, свой «наган» убрал в кобуру, документы – в нагрудный карман, и, осмотрев себя, кивнул: выгляжу как надо. Большую часть вещей я оставил в комнате, деньги, две тысячи, вложил в карман, накидал список того, что мне «вернули», и, прихватив одну сумку, вышел во двор. Там на одного коня, что, на мой взгляд, выглядел поплоче, я накинул седло и, вместо отсутствующей уздечки используя небольшой кусок верёвки, вывел его со двора, сообщив хозяйке, что вернусь к обеду. Заодно оплатил ещё три дня постоя, а то у меня уже срок заканчивался. И направился в сторону больницы. В штабе полка, который я намеревался посетить, в такое раннее время никого и нет, кроме дежурного. Поэтому навещу-ка бывшего соседа по палате, он ещё мается со своей ногой. Он тут панночку нашёл, она его навещала, так что пока не торопился покидать Калиш. Долги нужно отдавать, поэтому я решил начать с корнета. Тот, понятно, ещё спит, но ради такого дела разбужу.

Добравшись без всяких проблем до больницы, я во внут-

реннем дворике привязал коня и, придерживая одной рукой сумку, что висела на плече, а другой шашку, направился к палатам. Дежурный санитар встретил меня у входа и сразу направился к корнету, чтобы разбудить и сообщить о госте. Пришлось подождать минут пять, пока тот приведёт себя в порядок, и только после этого я зашёл к нему. Кстати, моя бывшая койка уже была занята каким-то офицером-пограничником, которому прилетело в недавнем бое на границе, когда контрабандистов брали. Он был тяжёлый, без сознания, поэтому общались мы с корнетом шёпотом. Я вернул тому «наган», вычищенный, все патроны на месте, а также одолженные деньги, чем привёл в хорошее расположение духа. Ну, и рассказал, как мне всё бандиты вернули. Тот аж рот открыл, меня слушая. Я даже слегка увлёкся, но вроде рассказал толково.

Целый час я пробыл в больнице, но наконец решил, что пора посетить штаб полка, попрощался с корнетом и направился на выход. Тут врач мне попался, Андрей Константинович. Подумав, я попросил его уделить мне время, ну и ссудил, как спонсор, самой больнице небольшую сумму в размере двухсот рублей. И только после этого забрал коня и направился к выходу. До здания, где располагались штаб полка и комендатура, было не так уж далеко, и даже пешком и не спеша я добрался достаточно скоро. Оставив коня у входа привязанным к специальной перекладине, я, всё так же придерживая сумку, прошёл в холл, где меня встретил помощ-

ник дежурного в звании унтер-офицера.

– Командир полка у себя? – с ходу поинтересовался я.

– Не было ещё, ваше благородие. Начальник штаба только что прибыл.

– Веди меня к нему. Дело срочное и важное.

Мы и шага сделать не успели, как снаружи загредел колёсами по брусчатке экипаж. Прибыл полковник Молчанов. Я его встретил у входа. Окинув меня взглядом и задержавшись на рукоятке шашки, он поинтересовался:

– Что-то случилось, подпоручик? Помнится, вы находитесь в отпуске по излечению.

– Дело срочное, господин полковник.

– Такое уж срочное? Что ж, пройдемте ко мне в кабинет.

Когда он устроился за столом, то я сообщил:

– Господин полковник. Я, когда выписался из больницы, стал искать бандитов, что на меня напали. Солдат-пограничник, спасший меня, помогал в этом. И, похоже, вышел на них. Они это обнаружили, и сегодня утром во дворе дома, где я снимаю комнату, обнаружили трое коней, седло и две сумки. Там была вот эта записка, – я сделал два шага вперед и протянул записку комполка, а пока тот её читал, продолжил: – Прочитав её, я открыл сумку и нашел не одну саблю, а две. Вот эта не моя.

Я достал саблю с «клюквой» и показал надпись на эфесе. Полковник помрачнел и заиграл скулами, а я вынул из кармана орден Святого Владимира четвертой степени:

– Этого у меня тоже не было. Обнаружил там же в сумке.

Разозлился полковник серьёзно и успокоился не скоро. Он вызвал начальника штаба полка и ещё двух штабных офицеров, и те все вместе внимательно выслушали мой рассказ. После этого я передал список того, что отдали бандиты, а конь, которого я передавал в замену угнанного, стоял у входа, готовый к отправке на конюшню. Седло есть, а вот за уздечку я должен был заплатить, как за утерю казённого имущества. Пока специально вызванные люди изучал орден и по номеру пытались выяснить, кому он принадлежал – документов других офицеров при мне не было, да и у бандитов тоже, – мы с полковником ожидали вызванных жандармов, ну а я достал из сумки кобуру с «маузером» и сказал:

– Этот пистолет мне передали преступники. Я не прощаю их, но в качестве материальной и моральной компенсации всё принял и отдавать кому-либо не собираюсь. Но этот пистолет я хочу подарить вам.

– Благодарю, – он с интересом изучил тяжёлый пистолет, извлёк из кобуры, провел пальцем по консервационной смазке, понаблюдав, как я выкладываю на стол пачки с патронами к нему, и поинтересовался с хитринкой в глазах: – Я так понимаю, у вас есть какая-то просьба, подпоручик?

– Не то чтобы просьба, господин полковник. Скорее желание – перевестись в пулемётную команду. Мне кажется, я там буду на месте.

– Что ж, я подумаю. Поговорим об этом после вашего из-

лечения и возвращения к службе.

– Благодарю, ваше высокоблагородие. Ещё бы хотелось испросить вашего разрешения посетить столицу...

Тот дал добро, без разрешения командира полка такие поездки чреватые, и в канцелярии я получил заверенное подписью разрешение. Тут двое жандармов прибыли, они меня внимательно расспросили, дождались, пока я напишу рапорт на имя начальника штаба – до этого я писал на имя комполка – и передам ему, и после этого мы на коляске покатали к подворью, где я комнату снимал. Там они опросили хозяйку, коней осмотрели, а те явно верховые, а также остальные вещи, что в комнате лежали, после чего отбыли. Записку, написанную старшим контрабандистом, забрали. Причём, как мне показалось, один из жандармов, в звании штабс-ротмистра, узнал почерк. Удивлённо заморгал.

Ну, а я после их отбытия пообедал – уж за полдень перевалило, – перебрал вещи и направился обратно к штабу. Там отловил двух офицеров и вернул долги, одному аж четыреста рублей – наверняка катала, ведь это всё карточные долги были. Вернул в кассу взаимопомощи те деньги, что Игорь брал оттуда, и на этом тут всё, остальные должники остались на месте дислокации части, где проходил службу подпоручик Волков. Их завтра посетю. Вернувшись на место постоя, я парадную форму и шинель с фуражкой, а также исподнее передал хозяйке, чтобы постирала и выгладила за отдельную плату, ну а сам, прихватив одного коня, направился к рынку.

Нужно приобрести всё для лошадей. Один верховым будет, его я и вёл на верёвочной петле, а второй – вьючным. Эти кони были прекрасны, как сообщили офицеры в штабе, явно германского коннозаводчика, а я лично разницы не видел. Но экспертам верил. Такие кони ценились, даже были предложения продать. Обещал подумать, хотя пока не собирался этого делать.

На рынке я приобрёл две уздечки. Одну сразу надел на коня, подогнав по размеру, потом долго выбирал сёдла. Тут их в продаже было не так много, но всё же нашел неплохое, удобное. Также и две попоны взял. Оседлал коня своего – красавец! Ещё я купил две пары чересседельных сумок, одну для моего верхового, вторую на вьючного. Подумав, взял для вьючного ещё пару специальных сумок-торб, только размерами побольше. Там можно утварь, палатку, одеяло, припасы держать, в походе они точно пригодятся. Но это я чуть позже докуплю, да и качеством повыше. Я тут прикинул, зачем мне в поезде трястись, и пусть Москва в стороне останется, лучше я морем доберусь. На это было несколько причин. Конечно, это займёт больше времени, но я хотел овладеть верховой ездой, мне практика требуется, а триста километров до Данцига, который в будущем назовут Гданьском, вполне позволят мне получить хотя бы начальный опыт в верховой езде. Так что тут на выбор: триста километров до Данцига, пофиг, что это германский город, мне хотелось посмотреть, как границу можно перейти без загранпаспорта, и дальше с

лошадьми морем; или пятьдесят километров до ближайшей железнодорожной станции и дальше поездом. Понравилась мне идея с судном. Да и у немцев побывать хочется. Осмотрюсь там, если время будет.

На этот день я закончил с покупками на рынке. Седло, уздечки и сумки куплены, всё погружено на коня. Я его Вороном прозвал, по масти. Аккуратно забравшись в седло – наездник я аховый, честно сказать, это мой первый опыт, – неторопливо направился к лавке, где продавалось немало снаряжения и где закупались многие офицеры, что жили или бывали в городе. Оставив коня снаружи привязанным к перекладине, я прошёл в лавку, придерживая рукоятку шашки. Вот ещё одна проблема, нужно учиться с этой железкой ходить. Постоянно под ноги попадает, однажды уже чуть не упал. М-да, и желательно найти учителя, чтобы обучил меня обращению с шашкой. Кто у нас признанные мастера? Казаки. Поищем среди них. Мне по службе положено её носить, а я по характеру не могу таскать бесполезный предмет, коим не владею. Был бы нож, проблем нет, нож у меня за голенищем, а вот шашка – это пока тёмный лес. Хотя время ещё есть, да и за время войны займусь этим.

В лавке только продавец был, который услужливо подскочил со словами:

- Что пожелаете, ваше благородие?
- Патроны к «нагану». Три сотни. Патроны к «маузеру» есть? Пистолетные.

– Конечно, ваше благородие. У нас и «люгер» имеется в продаже, недавно завезли, два уже выкупили. Три осталось. Желаете посмотреть?

– Неси, – подумав, кивнул я.

Тот принёс все три «люгера», под патрон «парабеллума». Эти игрушки в продаже не должны быть, значит контрабанда. Осмотрев, я хотел было отказался от покупки, обычные пехотные варианты, а меня интересовала длинноствольная артиллерийская модель, коей тут не было. Однако всё же приобрёл один вместе с кобурой, и патронов пятьсот штук. Буду тренироваться, руку набивать. К нему средства чистки и бутылочку оружейного масла. Также взял охотничий нож, его можно на пояс повесить, потом приобрёл бинокль и планшетку, отчего-то у Волкова их в наличии не было. Взял пару блокнотов и карандашей, чехол для винтовки, скатку походного одеяла, офицерскую сумку, это подобие солдатского вещмешка, принадлежности ухода за лошадьми, туда входили щётка, гребёнка и чистилка. Потом увидел готовый навес, три на три метра, обшитый по краям, и связку тонкой верёвки для растяжек. Вот, отличная замена палатки. А спать можно и на земле: две попоны снизу, одеялом укрываться, седло вместо подушки и навес от дождя. Также приметил и купил карманные часы на металлической цепочке. Часы с секундной стрелкой швейцарские – отличный хронометр. Ну, и последней купил пустую сумку с красным крестом. Санитарная сумка, да не пустую, всегда должна быть

под рукой.

Расплатившись, я загрузил все покупки на коня и ведя его в поводу отправился в аптеку – теперь верхом не поедешь, места нет, да и идти тут до недалеко. Оставив Ворона снаружи, с одной санитарной сумкой на боку прошёл в лавку. Аптекарь был свободен, только что покупательнице по рецепту что-то выдал.

– Что изволите?

– Нужны стерильные перевязочные материалы, вата, салфетки, антисептик, жгутов пару штук, спирта пару бутылок, игла, шовный материал, скальпелей пару штук, зажимы, ножницы. Для обезболивающего что-то из наркотиков. Как я вижу по вашим полкам, это просто мечта наркоотдела, у вас солидные запасы. Возьму морфию и те шарики опиума.

Всё, что нужно, я приобрёл, из антисептика наличествовали только медицинский спирт – правда, он был несколько другой, но всё же – и йод. Зелёнка, похоже, пока неизвестна. Сумка полна, одних бинтов двадцать штук взял, да ваты бумажную упаковку, а для инструментов и шовного материала нашлась небольшая деревянная стерильная шкатулка. Что она стерильная, аптекарь сообщил, но я ещё спиртом продезинфицирую.

Покинув аптеку, я добрался до места постоя и занялся там делами. На следующий день я запланировал навестить место дислокации батареи – последние долги отдам. Распрощаюсь с сослуживцами, заодно познакомлюсь, большинство я пока

даже в глаза не видел, в отличие от Игоря, ну и, забрав вещи, отправлюсь в путь. А пока было время, я достал «люгер» и «маузер» – в подаренных мне «бандитами» сумках было два пистолета подобной модели, один я подарил командиру полка, второй оставил себе, четыре остались в схроне. Сначала почистил, а потом смазал оружейным маслом. При мне было три короткоствола, это «наган», что записан в офицерское удостоверение, «люгер» и «маузер». «Люгер» я планировал постоянно носить вне службы. Вполне удобный и ухватистый пистолет с мощным патроном.

Дождавшись ночи, я отправился спать. Завтра с утра к сослуживцам, а дальше всё по плану. Перед отъездом посещу схрон, заберу все деньги и винтовку – выбрал я германский армейский карабин, чехол, купленный под винтовку Мосина, ему вполне подходил. С такими чехлами ковбои на Диком Западе рассекали. Они к седлу прикреплены были. Вот и я так собирался сделать.

* * *

Сняв фуражку, я вытер мокрое от пота лицо платком, глядя на гавань Данцига и щурясь от солнечного света. Города был уже недалеко, я с холма наблюдал за ленивой суетой в порту. Я щёлкнул языком, не трогая поводья, и Ворон направился вниз. Я учу его звуковым командам. Пока получается плохо, приходится ногами сжимать, подтверждая приказ, но

вроде начал слушаться. А вообще эти восемь дней с момента, как я покинул Калиш, прошли достаточно продуктивно. Дорога далась мне тяжело, но теперь я считал себя неплохим наездником, и за лошадьми научился ухаживать. Подковы чистил. Тренировки – это постоянно. Я даже бегал, держась за седло. Особенно когда внутреннюю сторону бёдер натёр и мышцы одеревенели, такая пробежка – отличное средство привести себя в форму. Пока три километра предел, но втягиваюсь, постепенно физическое состояние тела улучшается. А ещё занимаюсь растяжкой, но честно сказать, до приемлемого результата прошедшее время – это мизер, тут полгода нужно, не меньше, тогда, надеюсь, я достигну серьёзных результатов. В Калише всё прошло пристойно, я посетил место дислокации и раздал долги. Хотелось бы сказать, что все, но, к сожалению, это не так, один офицер с семьёй отправился в отпуск, но ему обещали передать оставленные мной деньги. Вернувшись в город, я на следующее утро собрался и, загрузив припасы на вьючную лошадь, покинул город. Следил, чтобы не было слежки, проверялся не раз. Посетил схрон, карабин взял, как и хотел, ну и все деньги, что русские рубли, что германские марки, и золото тоже. У меня на эти средства большие планы. Опасно с такими деньгами по Польше рассекать, всё же более ста тысяч вышло. А если точнее, то в русских рублях чуть больше ста сорока трёх тысяч набиралось.

В пути населённые пункты не посещал. Привыкал к по-

ходной и кочевой жизни, всё сам. Готовил, лагерь обустроивал. Тренировался в стрельбе, за эти восемь дней пути патронов почти не осталось, из ста пятидесяти на карабин лишь пять, на «люгер» и «маузер» по магазину, в «нагане» полный барабан, и всё, запаса больше не было, да и эти оставил на всякий случай. Припасы тоже к концу подходили. Однако оружие держал вычищенным и в порядке. Добрался до границы и прямо в гражданской одежде пересёк её, когда про загранпаспорт спросили, то, узнав, что его нет, поставили метку о пересечении границы в обычные документы, с той стороны германские пограничники повторили действия наших. Вот и всё. Проверка показала, что граница не на замке. Удивился, но поскакал дальше. Хорошая прогулка вышла, не жалею. Бою на ножах тренировался. Тут результаты неплохие, былой навык возвращается. Вторую руку тренировал, ну и шашкой махал, тут больше кисти рук качал, и результаты махания пока посредственные. Учитель нужен.

Спустившись к городу, я пролетел по улочкам к порту. Некоторые смотрели на меня удивлённо, но никто не останавливал. В порту повезло, через час как раз русское судно отходило, о чем я узнал от зевак, и сразу направился к нему. Капитан был на месте. Он дал добро на погрузку и обещал уход за конями, один из матросов за этим будет следить, но платить тому я буду сам. Дальше мои вещи были отправлены в каюту: одноместная, пусть и небольшая, – и пока я обустроивался и смотрел, как там лошади – седла и поклажу у

меня в каюте сложили, – пароход успел отойти и, дымя трубой, направился к выходу из порта. Жаль, по городу я не погулял, но, может быть, так даже лучше.

Плавание заняло семь дней, да и то дважды в разные российские порты заходили, высаживая одних пассажиров и забирая других, ну и разгружаясь. Когда мы наконец прошли мимо Кронштадта, то встали на рейде.

К пирсу для разгрузки судно подойдёт только через два дня, когда очередь наступит, так что пришлось нанимать специальный баркас для перевозки лошадей, куда с помощью судового крана-балки их спустили по одной, головы закрыли, чтобы они в страхе не бились, а следом спустили мои вещи и меня. Сам я в парадной форме был, с шашкой и «наганом» в кобуре. Ходить тут с «маузером» или «люгером» я пока не хотел. Уставников, как говорили офицеры в нашем полку, тут хватало. Однако, как бы то ни было, но вот они, наконец, берег и столица!

Вещи мои выгрузили на пирс, и, отмахиваясь от незваных помощников – местных бичей, я оседлал Ворона и закрепил вьючную поклажу, параллельно пристально наблюдая, чтобы вещи мои не украли. Пока вроде ничего не пропало.

И вот верхом я направился к городу. Подобрал неплохую гостиницу, вещи отправил в номер, который состоял из двух комнат, – снял на неделю пока, – а лошадей – на конюшню. Прибыли мы в столицу в обеденное время, пока разгруз-

ка, то-сё, наступил вечер, поэтому я решил не планировать на сегодня ничего. Лишь попросил вызвать ко мне в номер местного специалиста по приобретению квартир, домов и даже предприятий. То есть это должен быть кто-то из адвокатов и их помощников. И вот, когда я поужинал и вернулся в номер, раздался стук, и слуга сообщил, что ко мне господин Ольнёв пожаловал. Что ж, пообщаемся. Надеюсь, это действительно ценный специалист, я попросил разное фуфло мне не присылать, а только из тех, что себе имя сделали. Услуги у них дорогие, но я был готов к тратам.

Подойдя к двери, я пропустил посетителя в номер, в это время застёгивая на манжетах пуговицы. Я был в гражданском костюме. В том самом, который обнаружил в чемодане, еще будучи в больнице, и коим уже не раз пользовался. Его только что принесли поглаженным, а полевую форму ещё стирали да ремонтировали, поскольку дорога до Данцига дорого ей далась. В брюках и рубашке я смотрелся, в общем, неплохо.

Я окинул взглядом пришедшего специалиста. Выглядел он достойно, и, пригласив его присаживаться на диван в гостиной, куда мы прошли, я отпустил слугу и устроился напротив. Сначала мы познакомились: он мне визитку протянул, ну а я просто представился, за неимением оной. Причем представился дворянином Волковым; что я ещё и действующий офицер Российской Императорской армии, я не сообщал. Когда процедура знакомства состоялась, я пояснил, что

от него хочу:

– Мне нужно приобрести приличную квартиру в центре города, в хорошем районе. Квартира не очень большая, но в спальне должен быть оборудован рабочий уголок, кухня – совмещена с обеденным залом. Обязательна отдельная гостиная, а также туалет с ванной, возможно балкон, центральное отопление. Второй или третий этаж. Это пока всё, если справитесь, будет более интересный заказ. Также я хотел бы получить на руки загранпаспорт. Срок – около трёх недель. Что скажете?

– Всё это входит в сферу моей работы. У меня уже есть несколько квартир, которые вполне соответствуют вашим пожеланиям. Можно их осмотреть в любое время. Вас интересует именно покупка, не аренда?

– Да, именно так. У меня много родственников в Москве, нужен свой уголок тут, где бы они смогли погостить, пока меня нет.

– Квартира по описанию не очень подходит для большой семьи.

– Это так, – улыбнулся я, не собираясь пояснять свои планы. – Что насчет загранпаспорта?

– Этот вопрос решаем. Всё будет сделано через десять дней, но если хотите быстрее, это будет чуть дороже, но уже через три дня получите его на руки.

– Хорошо, порадовали. Меня устраивает тот вариант, что подороже. Есть ещё такой вопрос, могу ли я получить пол-

ные копии своих документов, заверенные у нотариуса?

– Для чего это? – не понял тот.

– Видите ли, скоро наступит такое время, когда потеря документов – это обыденность, и хотелось бы иметь второй комплект, чтобы не терять время на восстановление.

– Могу я узнать причины вашего такого желания, господин Волков? – даже подобрался тот.

– Можно просто Игорь Михайлович... Война. В конце лета. Я удовлетворил ваш интерес?

– Вполне. Заверенные копии документов оформить можно. Сроки?

– Время есть, крайний срок – две недели.

– Успеем.

Дальше мы занялись делами, я передал ему часть своих документов, доверенность на получение их копий и заявление на получение загранпаспорта, выдал необходимую сумму, и мы распрощались, договорившись на следующий день сразу после обеда встретиться в фойе гостиницы. Поедем посмотреть квартиры.

Утром следующего дня, после завтрака, в парадной форме подпоручика – чтобы соответствовать столице – я направился к зданию Генштаба, где в канцелярии встал на учёт. Разрешение на пребывание в столице от комполка тоже оставил. Не обязательно это, но пусть будет. Адрес с местом проживания указал. После этого я на наёмной коляске поехал

по разным заводы. Да-да, именно завод, а именно металлоделательный, как их тут называли, я и собирался прикупить. На крупный я не замахиваюсь, а вот небольшой, фактически мастерскую, вполне. Главная задача его – штамповать армейские шлемы по типу СШ-40. К своему удивлению, я не обнаружил в снаряжении такого важного элемента, тем более каски отлично защищают от шрапнели, бича пехоты, а ведь именно от нее основные потери. Шрапнель наносит раны не глубокие, сила разрывов не велика, но раненых много, а так есть шанс снизить поток раненых в будущей войне. Ну и получить государственный заказ, это ой как неплохо. Я уже накидал в офицерском блокноте схему шлема и подтулейника – это войлочная или кожаная подкладка для шлема. По всем прикидкам, производство будет недорогим, главное заинтересовать военное ведомство, и насчёт этого у меня тоже есть план. Было время продумать его, пока в дороге был, а на борту парохода он окончательно сформировался. Интересная афера получится.

Я особо ничего не делал, просто интересовался и вообще изучал технологии этого времени. По моим прикидкам, практически любой такой заводик сможет начать производство касок. Ну, и выяснил, что минимальная стоимость одного завода – это был сарай с десятком рабочих – шесть тысяч, а максимальная – вполне добротный кирпичный корпус, пара деревянных строений, два склада, всё окружено высоким забором – аж восемьдесят тысяч рублей. Он мне боль-

ше всего и понравился, тут перспективы на развитие видны, жаль, что не продавался. Хозяин его провёл мне небольшую экскурсию.

Время до обеда пролетело очень быстро. Я вернулся в отель, переоделся и пообедал, когда мне сообщили, что мой стряпчий прибыл – именно так здесь называют таких специалистов. Я, конечно, мог бы обойтись без покупки квартиры, но у меня на неё были далеко идущие планы, так что пригодится. На наёмной коляске мы покатали изучать квартиры. Третья в списке мне понравилась, да так, что я решил остальные не смотреть. Стоимость – двадцать тысяч рублей, и хозяин скидывать цену не хотел. Пусть квадратура всего сто десять квадратных метров, это я на глазок насчитал, но всё равно просторно, и мне понравилось. Однако главное, что она продавалась с некоторыми деталями интерьера, да и ремонт тут год назад всего провели, имелась некоторая мебель. Остальное, конечно, придется самому приобретать. Печь на кухне дровяная, отопление центральное от котельной. Балкон, третий этаж. В общем, квартира конфетка, окна на Неву и парк с той стороны.

После выплаты аванса стряпчий занялся оформлением, а я покатил по оружейным магазинам. Хочу прицел оптический приобрести. Прокатавшись некоторое время, я был вынужден констатировать, что прицелы есть, но в зачаточном состоянии. Я, конечно, приобрёл два в кожаных футлярах, на мою «немку» встанут, крепления под них были, да и про-

изводство германское, однако я надеялся на лучшее. Купил заодно походную двухлитровую флягу, карманную серебряную фляжку, патронов для карабина «маузер», разрывных, к сожалению, не было, они, оказывается, запрещены к применению, ну и взял также нагрудный патронташ, малую пехотную лопатку и палатку.

Всё это я отвёз в гостиницу, после чего на той же коляске, переодевшись в форму офицера, покатил к зданию Красного Креста, который курировала императорская семья. Мне денщик нужен. У Игоря был денщик, но слёг с аппендицитом, поэтому пока работал на двоих денщик командира батареи, на то время что нового искали, да не успели, и тот остался по месту службы. Лучше нанять своего, из нестроевых. Вот я и надеялся такого тут найти. Я хотел из солдат, желательно казака, чтобы драке на шашке обучил. Обычно ветераны проживали в некотором подобии ночлежки, так что я представлял, где такого искать.

Видимо, не повезло. Вообще-то выбор был, но кто-то меня не устроил, или душа не лежала, так что отбыл я ни с чем. Не подобрал там нужного мне специалиста. Видимо, казаки о своих заботились, отправляли к станицам, а тут одна пехота была. Калечные, с разными ранениями, но не то, что нужно. Ладно, пока не к спеху, успею ещё.

Вернувшись в гостиницу, я достал карабин и занялся подготовкой к установке, а потом и самой установкой охотничьего прицела на оружие. Нужный комплект инструментов

я приобрёл, в кожаном чехле. Причём нашел в том же оружейном магазине. Неплохой подбор. К вечеру успел сделать, но отстреливать потом буду. Второй прицел пока в запас. Я вообще подумывал его на тот пулемёт «Мадсен» поставить, что в схроне остался. Я его маслом оружейным хорошо обработал, долго пролежит. Хотя какое долго, вернусь и достану. Если даже не переведут в пулемётную роту, на батарее такое оружие тоже пригодится. Только вот как на него прицел поставить? Там магазин сверху вставляется в приёмное гнездо. Ничего, придумаю что-нибудь.

Оформление квартиры было закончено, но переезжать я не спешил, стал покупать мебель. Новую не заказывал, нет времени, узнавал, не продает ли кто, приезжал, оплачивал, и грузчики поднимали в квартиру. Ну и рухлядь прикупил. Тут так называются подушки, одеяла, шторы и всё такое. Нанятая девушка, которая в этом доме в некоторых квартирах прибиралась, всё помыла, расстелила, и квартира была готова к проживанию.

И вот на пятый день пребывания в столице Российской империи я вселился в теперь уже свою квартиру. Хозяину дома внес квартплату на год вперёд, чтобы не думать, также открыл счёт в банке и положил пять тысяч рублей, это и на жизнь, и на квартплату, ну и так, чтобы было. Остальные деньги держал в квартире. В спальне я поставил стол, стул, настольный светильник и небольшой книжный шкаф, нижние дверцы которого закрывались на ключ. Хотел ещё сейф,

но махнул рукой – без надобности. В остальном квартира хорошо оснащена, запас припасов тут сделал. Горничная приходить будет раз в неделю, пока я живу, готовить сам буду. Лошадей отвёл в платные конюшни, там за ними присматривают. А вот стряпчий, что уже передал мне загранпаспорт и его заверенную копию, пока работает над копиями остальных моих документов, ну и подбивает клинья к тому заводу, что мне понравился. В общем, покупку квартиры он провёл хорошо, свой процент заработал честно, поэтому я сообщил ему, что желаю купить завод, и сообщил какой. И вот уже два дня он бьётся о ворота, но хозяин стоит на своём. Жду пока и делами занимаюсь.

В гражданском костюме дворянина, в одежде рабочего или лавочника, я гулял по городу и изучал, где живут нужные мне люди. К сожалению, из тех, кто, как я точно знаю, виновен в развале армии, фронта и отступлении с тяжёлыми потерями, в столице я обнаружил всего троих, включая самого будущего Главнокомандующего. Если он им, конечно, станет, с моей помощью.

Одежду для маскировки я за полдня купил в разных местах, включая два костюма для дома и халат, и именно в нём на шестой день жизни в столице я встречал своего стряпчего. Проводив того в гостиную, сам разлил коньяк в бокалы и, лишь пригубляя – я к спиртному прохладно отношусь, но старые французские вина ценю, – вот что услышал:

– Не продаст хозяин этот завод. Я поискал по столице и на-

шёл ещё два таких же, они даже дешевле, и один как раз выставлен на торги. Хозяин разорился, как мне удалось узнать, он картёжник.

– Будет аукцион?

– Нет, за долги еще не успели отобрать. Поэтому до решения суда и торопится продать.

– Я его понимаю, так он сможет получить хоть что-то. Выезжаем. В таких ситуациях тянуть не стоит.

Стряпчий ждал меня внизу и, пока я одевался, смог найти свободный наёмный экипаж. Мы покатали к окраине столицы, где и располагался заводик – в частном секторе, где проживали рабочие. Многие из них как раз на нем и работали. Проезжая мимо здания телеграфа, я только хмыкнул, вчера телеграмму родителям отправил. Мол, так и так, добрался морем до столицы, нахожусь тут, отдыхаю, ну и делами занимаюсь. Дал адрес квартиры, не сообщая, что она уже моя, однако уведомил, что планирую тут задержаться и скоро ждать меня не стоит.

До завода мы добрались довольно быстро, и надо сказать, тот произвёл на меня хорошее впечатление. Два довольно длинных корпуса из красного кирпича, у одного трубы, там литейка была. Также было два деревянных склада на территории, одноэтажное кирпичное здание администрации у входа, и всё это окружено высоким дощатым забором. Из охраны старенький сторож и собака в будке у ворот. Рабочее время уже заканчивалось, тут оно четырнадцать часов, как раз

рабочие расходились, но оставался на месте инженер, он же директор завода. За хозяином тут же отправили, и пока мы гуляли по территории, инженер следовал чуть позади, чтобы нам не мешать, я осмотрел литейку и сказал:

– Я, конечно, не специалист, но этот завод тысяч сто стоит, не меньше.

– Сто десять. Хозяин согласен отдать за восемьдесят, если деньги сразу. Я проверил, на заводе долгов нет, только на хозяине, вы можете без особых проблем выкупить его. Естественный минус – нужно закрыть некоторые контракты. Это не сложно, за месяц завод справится. Это надежное производство. Только вот денег с заказов вы не получите, их уже получил хозяин. Однако, думаю, что это не большой минус за приобретение такого завода.

– Ну да.

Подозвав инженера, я попросил показать мне территорию и производство. Уже стемнело, пришлось керосиновой лампой пользоваться, но основное мы осмотрели, а тут и хозяин прибыл. Торговаться он отказался, восемьдесят, и точка. Я подумал, и мы ударили по рукам. Насчет заказов уточнил у инженера: месяц, и все хвосты сдадут. Конечно, не хочется за бесплатно выполнять работу на чужих, но чтобы этот заводик, а его можно отнести к средним по объёмам производства, того стоит, и я махнул на это рукой. Хозяин подписал все документы, что составил стряпчий, получил аванс и так же письменно подтвердил, при свидетеле, инженере завода,

что долгов у завода нет, ну кроме невыполненных заказов. После этого мы со стряпчим покинули территорию завода. Купил я его со всем, что находится на территории, списки к документам купли-продажи прилагались. Тут даже паровой котёл был и генератор, так что завод полноценно электрифицирован, часть «лишней» электроэнергии спускалась по соседним улочкам, где проживали здешние рабочие. Небольшая плата за электричество тоже шла в бухгалтерию завода. Точнее, вычиталась из зарплаты рабочих.

Через два дня завод стал моим уже по всем документам. Каждый день я посещал завод, по утрам и после обеда, и вникал в работу, его директор в этом мне очень помогал. На территории восемьдесят семь рабочих, бухгалтер, учётик, кладовщик, что за оба склада отвечал, шесть мастеров, две уборщицы, дворник и сторож с собакой. Вот и всё. На такой завод вполне хватает людей, и работа шла, я этим также интересовался. А вообще, похоже, тут готовился рейдерский захват, и кому-то я обломал планы: угроз не было, просто один паренёк передал письмо. Мол, я перешёл дорогу серьёзным людям. Вот и всё. Может, пойти к ним, показать, что угрозу я воспринял серьёзно и, если не хотят отправиться на два метра под землю, пусть откупные платят. Но подумал и оставил идею на будущее. Пусть у меня наличными осталось всего тридцать пять тысяч, но пока хватает. Кстати, они были в русских рублях. Бывший хозяин завода забрал всё золото и

германские марки. Похоже, планировал покинуть Россию.

Впрочем, денег много не бывает, поэтому эти рейдеры были вполне в жилу. Но пока они меня или моё имущество не трогают, я не имею морального права кинуть им ответку. Угрозы – это мелочь, жаль, конечно, ну да ладно.

Удалось насколько поправить личную жизнь: на второй день я через местную маман снял девушку. Тут гарантировали чистоту, и я остался доволен. Дорвался до сладенького. И теперь я в том борделе завсегда, каждый день по несколько часов. Тот, кто был лишён, меня поймёт, я серьёзно решил наверстать упущенное в прошлой жизни.

Вот так я и провел восемь дней в столице. И наконец прошёл на территорию завода уже как полноправный владелец. Стряпчего не было, он деньги за работу получил, заканчивал с документами, обещал копии остальных завтра доставить, на этом наше сотрудничество прекращалось, всё что нужно он мне сделал. Ну разве что патенты на изобретения оформлять начал. Уже пять дней работал по этому направлению, но параллельно от остальных дел.

Рабочие и директор уже встречали. Они и так уже знали, кто новый владелец, я тут примелькался, но официальное знакомство всё же нужно провести. Поздоровавшись с инженером, которого звали Иннокентием Михайловичем Голиковым, я осмотрел с крыльца здания управления строй работяг и громко сообщил:

– Здравствуйте, граждане. Как новый владелец, я хочу со-

общить, что изменения на заводе всё же будут, и думаю, они вам придется по нраву. Рабочий день сокращается до двенадцати часов, перерыв на обед – час. В субботу сокращённый на один час рабочий день. В воскресенье, как и положено, выходной. Зарплата остаётся та же. На свободном месте на территории завода будет поставлена столовая, где вы будете обедать и ужинать бесплатно. Нам потребуются кухарка и две помощницы для нее, а также две девушки в столовую, накрывать столы. Если найдутся желающие среди ваших жён – очень хорошо. Как столовая будет готова, будем принимать новых рабочих. Чуть позже также найдем женщин в новый цех. Изменения, как я вижу, вас радуют, однако есть требования и с моей стороны, чуть позже будут готовы служебные заводские инструкции, в которых все будет подробно изложено. Первое, держать рабочие места в чистоте: закончил, убрался, идёшь домой. Стараться не делать брак, у кого меньше брака, будут получать дополнительные премии. Ну, и насчет пьянства. Пьяные работать не могут. Для отдыха есть воскресенье, а не рабочее время. Мастер своего участка будет отвечать, если пустит на рабочее место выпившего, премии лишаются оба. Если произойдет из-за употребления спиртного несчастный случай, выгоню обоих. А теперь можете разойтись по рабочим местам. Идёмте, Иннокентий Михайлович, поговорим в вашем кабинете, ну и обговорим, чем будет завод заниматься, да и новые стройки, что будут развёрнуты на территории.

– Не много ли послаблений вы даёте? Столовая ещё эта...

– Нет, нормально. Для меня это копейки, а рабочие на месте едят, не бегают домой, чтобы поесть. Скоро бригадир-строитель подойдёт, будем решать, где столовую поставить, ещё один цех и два дома. Один гостевой для привлечённых специалистов, на три комнаты-номера, может, и я тут когда переночую, второй дом для охраны. Я планирую нанять охрану. А то совсем бардак, ворота открыты, заходи кто хочешь. Только на ночь сторожа ставите. Охрана тут постоянно жить будет, заодно и питаться в столовой.

– Хорошо, это ваше решение, Игорь Михайлович. А что мы будем производить? Как я понял, основное наше направление вас не устраивает. И по поводу зарплаты: касса пуста, а уже через неделю требуются провести первые выплаты. У нас зарплата выдается два раза в месяц.

– С деньгами проблем нет, всё будет выдано бухгалтеру, а по поводу перепрофилирования производства вы правы. Что касается деталей к керосиновым лампам, мне ваше штамповочное производство понравилось. Молодцы, хорошо наладили. И сборку пожарных наносов продолжим. Вполне возможно, полностью закрывать это направление я не буду, завод не только себя окупает, но и приносит стабильный доход, а вот новой основной темой, если удастся получить государственный заказ, я сам займусь, мы будем делать...

Тут в кабинет постучались, и уборщица сообщила, что меня ищет какой-то мужичок.

– Это бригадир-строитель. Сейчас выдадим ему задание, чтобы начинал без промедлений, надолго в столице я не задержусь, и продолжим. Надо будет мастеров позвать, пообщаться по поводу того, что завод будет производить.

Мы покинули кабинет и вышли во двор, где ожидал знакомый мне бригадир. Там я показал эскизы зданий и план завода с отметками, где те будут стоять, директор завода тоже их изучил, и втроём мы двинулись по территории. Бригадир внес пару раз поправок, куда лучше поместить здания, а в остальном возражений у него не было, он получил деньги на материалы и отбыл. Так как строить планировали из дерева, обещал через две недели сдать под ключ. А ведь пять строений планировалось: два жилых дома, дополнительный цех, конюшня на четыре стойла и столовая. И ещё сортир на три посадочных места. Новый. Старый снести к чёрту, гнильё одно. У завода своего транспорта не было, инженеру приходилось наёмным пользоваться, поэтому запланировали конюшню и сбоку сарайчик для телеги и коляски, на коей и будет директор ездить, – обязательно нужны. Телега для столовой, привозить-увозить, если кому из рабочих понадобится, тоже сможет брать для личного пользования. Два стойла пустые были, но это на будущее. Может, своих рысаков тут держать буду. Дальше видно будет. На территории, если что тяжёлое перевозить или волоком таскать, свои лошади удобнее, а то наёмных приходилось искать.

Смета по строительству мне была известна, деньги были,

так что дерево в качестве стройматериала выбиралось ради скорости постройки. Денег хватило и на зарплату рабочим.

Пока же мы вернулись в кабинет директора. Я достал блокнот с эскизами каски, а также армейского походного котелка из двух частей, и обратился к инженеру:

– Это противошрапнельная каска, очень нужная нашим солдатам, ведь именно от шрапнели самые большие потери наших частей в боях, но пока в снаряжении ее нет. Буду пробивать, чтобы испытали и приняли. Стоит изготовить сто штук, покрасить в цвет хаки, принятый в Российской армии, впереди сделать оттиск белой краской герба России, чтобы было понятно, кому она принадлежит. Тот дополнительный цех для этого и нужен, разделим на части, в одном новые работницы их красить будут, в другом – сушить. Там вытяжку стоит хорошую поставить, чтобы не угорели.

– Не сложно будет их изготавливать. Я тут прикинул, на нашем оборудовании экспериментального цеха, при достаточном количестве материала, по две тысячи штук в неделю сможем производить. А когда только на них перейдем, то такое же количество, но каждый день.

– Рад это слышать. Средства на закупку материала я чуть позже выдам. Когда можно ожидать пробную партию?

– Дело новое, лекала ещё нужно сделать... – задумался тот. – Дня через четыре всё будет готово, заодно на этой пробной партии отработаем производство. Выявим огрехи и уберём их.

– Хорошо. Сейчас мой стряпчий составляет патенты на этот шлем. И вот на этот армейский котелок, – передал я эскизы котелка.

Такие котелки в будущем будут популярны, я тоже таким пользовался. Сам котелок плоский, сверху крышка для второго, внутри кружку можно держать и ложку. Они и будут входить в комплект. Ложка интересная, тоже штампованная, с одной стороны у неё вилка, а с другой ложка. Стряпчий уже выяснил, такую идею ещё никто не зарегистрировал, и на неё патент тоже оформляет. Тут как раз мастера зашли в кабинет и включились в обсуждение. В общем, и котелки и каски сделают, я уже поставил задачу по триста штук того и другого, причём сто единиц передать перекупщикам для продажи в столичных лавках, будем смотреть спрос. Я ещё плакаты в типографии закажу, рекламу им устрою. Дальше вызвали бухгалтера, я выдал деньги на закупку материала и, попрощавшись, покинул завод. Бригадир строителей знает, что делать, директор за ним присмотрит, в остальном задания даны, деньги выделены, я ещё в кассу положил семьсот рублей, чтобы там хоть что-то было, например, на непредвиденные расходы, а то небольшой сейф совсем пуст, и направился сначала в ресторан, а потом и в бордель. Уже три часа, так летит время, что не заметил, как полдня прошло.

На утро девятого дня моего пребывания в Питере я снова надел офицерскую форму и направился к тому же зданию

Красного Креста. Охрану я планировал набрать там. Опытные солдаты мне нужны. Проблем с этим не возникло, мне помогли найти подходящего унтера, и наш разговор сложился. Он и награды за Русско-японскую имел, единственно, локоть повреждён, не сгибался. Он помог отобрать ещё четверых бывших солдат, а также бывшего ездового, его задача – следить за конюшней, возить директора или телегу с заказами из столовой: за покупками кухарку, – ну и бухгалтера в банк, где я планировал открыть счёт для завода, а доступ к этому счёту открыть для директора и бухгалтера. Моих новых охранников всё устроило, зарплата тоже: тридцать пять рублей на каждого, а унтеру сорок. Жили они в чем-то вроде бесплатной ночлежки, денег не имели, по мелочи подрабатывали, но в основном на пожертвования кормились, а в принципе справные солдаты. Насчёт алкоголя и пьянки я сразу предупредил: выгоню быстро.

Я нанял две пролётки, и мы покатали на рынок. Там парни приделались в армейскую форму, новую и без знаков различия. И набрали им ещё по два комплекта исподнего, сапоги, шинели. А так на полном обеспечении жить будут. Ремни и всё, что положено, тоже набрали. Одеяд взяли, они в курсе, что на полупустом складе будут жить, пока им воинскую избу не поставят. Потом заехали в оружейный магазин, я там взял пять семизарядных «винчестеров» с запасом патронов, средства ухода к ним. Для унтера и ездового по «браунингу». Унтеру с кобурой, ездовому для скрытого ношения, тот

ещё и директора во время поездок охранять будет. Ну и кухарку, всё же с деньгами ездит. Потом из магазина снова на рынок, но уже другой, купили бричку – заводской станет, на баланс возьмём. Двух коней и телегу, для каждого транспорта по коню, упряжь и всё прочее.

И только после обеда в трактире мы направились к заводу. Там я представил охрану директору, тот больше уделял внимание мне, в форме он меня ещё не видел и не знал, что я действующий офицер. Так что ветеранов оформили и выделили им место на складе. Кормить их будут в трактире неподалёку, пока своя столовая не заработает, уже всё оплачено, на прокорм деньги выделены.

Унтер сразу отметил, что баньки нет, я поговорил с бригадиром, стройматериала уже навезли, и работа началась: канаву копали на месте будущей столовой, кирпичи для кухонной печи завезли. Что ж, смету увеличим, будет банька, ею и заводчане пользоваться смогут. Также нужен шлакбаум, ворота только на ночь закрываются, и будка от дождя для дежурного охранника. Подумав, я и на это дал добро, а также выделил в здании управления помещение для охраны. В оставшихся паре свободных помещений решил открыть медпункт и послать кого-нибудь из детей рабочих учиться на фельдшера. Вот пусть и лечит, если кто травмируется, первую помощь оказывает, а если понадобится – в больницу отправляет. Пока же охранники старались запомнить всех рабочих, чтобы чужаков не пускать. Это им строго запреще-

но – только если в здание управления кто идет, пусть там с директором общается. Может, пропускную систему на заводе организовать, карточки рабочим сделать, чтобы посторонние не могли проходить на территорию? Подумаю. В первые дни на воротах будет стоять один из рабочих, кто всех в лицо знает, и помогать отсеивать чужаков, а там уже и охранники всех запомнят.

С такими планами, оставив их реализацию на директоре, я покинул территорию завода. Надо будет директору заплату повесить, а то всего сто пятьдесят рублей – сто за должность директора и пятьдесят за инженера, в качестве доплаты. До двухсот пятидесяти подниму, а в будущем, может, и того больше. Сегодня ночью у меня наконец первая акция, буду убирать одного генерала. Пора уже. Операция по ликвидации врагов России начинается. Но сначала в бордель, а потом уже на место будущей акции.

* * *

На расстоянии в триста метров я отчётливо видел цели. Отложив бинокль, я взял германский «маузер», что лежал рядом без оптического прицела, и прицелился. В дворцовом парке, на перекрестье прогулочных дорожек стоя беседовали трое. Я не мог упустить такого шанса. Это были император российский Николай Второй, его дядя Николай Николаевич и муж сестры Александр Михайлович, имевший клич-

ку Сандро. Прицел лёг на грудь дяди императора, и я под отчаянное мычание сидевшего рядом пленного мягко потянул за спуск. Выстрел. Мгновенно выбив гильзу, я повторил выстрел, но уже в Сандро. Там ещё не понимали, что происходит, но император побежал, и пока не скрылся из пределов видимости, я трижды выстрелил, спуская последние патроны в магазине. Пули впивались в утрамбованную щебёнку у ног императора, обдавая его брызгами камешков, но тот сбежал, а парк быстро наводнили казаки из роты охраны и гвардейцы. Но я на это уже не смотрел.

Подтянув поближе тушу англичанина – у него и дипломатический паспорт в кармане имелся, – я достал у него из-под полы пиджака «браунинг» – это его оружие, вложил ему в руку и дважды выстрелил в стену за дверным проёмом, после чего отбежал к дверному проёму и из своего «нагана», что уже достал из кобуры, четыре раза выстрелил в тушку англичанина, лежавшего у карабина. Потом убрал оружие в кобуру, подбежал к телу, убедился, что сражен наповал, убрал шёлковые широкие ленты с рук и с ног – такие следов не оставляли – и кляп, после чего пальцами трупа снарядил в винтовку два патрона, остальное рассыпал рядом, как будто я застал его при перезарядке. «Браунинг» у него в руке, так что на этом можно было заканчивать. Теперь можно снять кожаные перчатки, пальчики англичанина были везде: и на карабине, и на пистолете, – я заранее позаботился. Быстро спускаясь по лестнице пятиэтажного жилого дома на улицу,

я избавился от ленты и кляпа. Всё уже было подготовлено, и я знал, что делать дальше.

С момента покупки завода прошло шесть дней, таким образом, в столице я уже пятнадцать нахожусь. За это время ликвидировал шестерых. Последних двух, я уверен, положил наповал: пули разрывные, последние пять патронов потратил, что оставались в наличии. Так вот, я ликвидировал: Гучкова, члена Государственной думы, потом генерала Алексеева. Тут ещё генерал Рузский повстречался, который, по счастью, посетил столицу и попался мне на заметку. Я его застрелил под видом польского националиста, расстреляв того из «нагана» прямо на улице. Далее был ликвидирован генерал Крымов, что находился в столице на излечении, ну и ещё двое – участники заговора Февральской революции, председатель Государственной думы Родзянко и некто Некрасов. До ещё одного участника заговора, Терещенко, к сожалению, не добрался. Тот отсутствовал в столице. Не думайте, что я на это всё пустил все последние шесть дней. За два всё сделал, а дальше готовился к вот этой акции по уничтожению двух князей. На присутствие императора я не рассчитывал, думал, одного ликвидирую в этом в парке, где ветви деревьев образовывали удобное «окно», но тут совсем красиво получилось.

С англичанами так совсем весело. Когда я следил за объектами, обнаружил ещё одну слежку. Выследил такого топтуна, англичанином оказался, и напарника его. У них на кон-

спиративной квартире оказалось без малого сто тысяч российских рублей банкнотами и около двадцати тысяч английских фунтов. Часть я прибрал, на квартире оставил только десять тысяч рублей и три фунтов. В кармане убитого «стрелка» адрес конспиративной квартиры на листочке записан, там все необходимые доказательства и второй англичанин. В данный момент тот под снотворным в кровати лежит. Надеюсь, жандармы успеют его взять. Он меня не вспомнит: зашёл в подъезд, и темнота после удара по затылку. Дальше я его занёс в квартиру, аккуратно раздел, уложил в постель и направился проводить акцию. А его напарник уже на чердаке ожидал, связанный так же под снотворным. Очнулся, когда я как раз готовился к открытию огня.

Привычный к подобным многоходовкам, я помимо этих акций также делами занимался. Завод уже начал выпускать котелки с касками, а кружки и ложки с котелками в комплекте идут. Я себе котелок и одну каску отобрал. А два дня назад отправил сто касок и сто котелков в приемную комиссию императорской армии, для опробования и заключения, годны они в войска или нет. Ну, и ещё с три десятка экземпляров по лавкам и магазинам разошлись, где офицеры закупаются. Плакаты мне сделали, художник хорошо нарисовал, у входа в магазины висят, а парочка на афишных тумбах у Генштаба. Покупают, как мне стало известно. Котелки особенно быстро разобрали, но и каски тоже берут. Есть среди офицеров умные люди, мало, но всё-таки. И вот на мой завод заказы на-

чали от частников поступать, и со склада выдавали небольшой накопившийся запас на продажу. Уже можно было продавать, оформление патентов закончилось, и меня признали интеллектуальным собственником этого снаряжения. Одна каска мне стоила рубль – тут и материал, и работа, но мы стремились к удешевлению работы с тем же качеством изготовления, а продавали пока за полтора рубля. Уж за сколько её там лавочники будут сбывать, не моё дело. Постепенно дело пошло. Директору и мастерам зарплату я поднял и велел двести касок и триста котелков отправить железной дорогой к станции, ближайшей к Калишу. Подождут меня на станционном складе, а когда приеду, заберу и доставлю грузовыми повозками в полк. Там дальше на месте видно будет. В каждом ящике по пятьдесят касок было, значит, четыре ящика, и по двадцать котелков, это пятнадцать ящиков. Нормально, двух повозок хватит.

Из новостей. Родители отписались, сообщили, что одна из моих тёток была только что в столице, но отбыла за день до моего приезда, так что не встретились. В общем, ждут меня.

Между тем у известного портного я заказал два комплекта повседневной офицерской формы, но куда более крепкой, чем выпускается обычно. Тройной прошив, на локтях и коленях дополнительная материя. Цену тот ломил, конечно, но зато, надеюсь, эта форма дольше прослужит. Через пару дней уже заберу. Вчера была последняя примерка.

Что ещё успел сделать? Вчера открыл счёт в Русско-Во-

сточном банке, привязав его к заводу, часть дохода будет переводиться на мой основной счёт – тот, на который я пять тысяч положил, а потом ещё двадцать. Остальное пойдет на завод, зарплаты, модернизацию и развитие. А сегодня утром я на этот счёт положил еще пятнадцать тысяч рублей – из тех, что забрал у англичан. Директора предупредил, что это на модернизацию завода, которую мы обговорили, но проводить её будут только после того, как долги по заказам закроют.

Пожалуй, вот и всё, что я успел за эти шесть дней. Соглашусь, побегать пришлось, да и поработать тоже, но кое-что всё-таки сделал.

Итак, выбежав из подъезда с «наганом» в руке, я осмотрелся. Особой паники пока не случилось, но тут я заметил городского на перекрёстке, что с удивлением глядел на меня, и замахал ему руками, чтобы подошёл. Придерживая саблю, городской со всех ног рванул в мою сторону.

– Ваше благородие? – Дышал он тяжело.

– Ефрейтор, я гулял по улице и услышал выстрелы в этом доме. Побежал на чердак и обнаружил неизвестного в гражданской одежде с винтовкой в руках. Он дважды в меня выстрелил из пистолета, но промахнулся второпях. Мне пришлось отстреливаться, и я его убил. Давай вызывай своих, следователей там каких-нибудь.

Тут мы из-за поворота с шумом вылетела пролётка, полная жандармов, и мы уже вместе замахали им руками. Ре-

вольвер я к тому времени убрал в кобуру. Пролётка сразу же остановилась, и я рассказал старшему из офицеров – в звании ротмистра, – что произошло. Отпустив остальных ехать дальше, он сам с помощником направился за мной. Городового поставили на посту у входа в подъезд и быстро поднялись на чердак. Пока жандармы изучали лёжку «стрелка» и сам труп, я описывал, как это произошло. Документы нашли, записку с адресом тоже, поручик, помощник ротмистра, тут же умчался, а жандарм, разглядывая пулевые отверстия от якобы выстрелов в меня, поинтересовался:

– Значит, по улице прогуливались и там слышали выстрелы?

Я изо всех сил продемонстрировал, что вру: поднял глаза, потом отвел в сторону и наконец подтвердил:

– Да, так всё и было.

– Ну-ну, – осмотрев меня, он вздохнул. – Подпоручик, дело очень серьёзное, тут нападение на самого императора, так что лучше говорите правду.

– Вот ведь знал, что что-нибудь упущу, – скривился я и как бы через силу пояснил: – Надеюсь, вы понимаете, что это желательно держать в тайне, чтобы не скомпрометировать замужнюю даму?

– Так-так, уже интересно. Она живёт в этом доме?

– Квартира двенадцать. Анастасия Павловна. Только я вас прошу, опрашивайте её без мужа. Впрочем, он сейчас в отъезде.

Чуть позже прибыли ещё жандармы и принялись за тщательный осмотр места пришествия. Даже фотограф работал, а ротмистр со мной лично спустился к двенадцатой квартире и взял показания у хозяйки. В рапорте он всё же не указал, где я был, вошёл в положение. Пришлось «признаться», что я услышал выстрелы, когда выходил из квартиры, а хозяйка подтвердила: она через минуту услышала хлопки наверху. А официально я был на улице. Правда, показания с неё всё же сняли.

– Хороша хозяйюшка, – когда мы с ротмистром вышли из дома, сказал тот.

– Да не очень. Признаюсь, я поначалу тоже думал: «Ух, прокачусь!», а побывал у неё в гостях и понял, что второй раз и ни к чему.

– Интересно вы образы рисуете, подпоручик, – хмыкнул тот.

– Я вам нужен?

– Нет, адрес записан, если потребуетесь, вызовем.

– Благодарю. Честно сказать, у меня назначена важная встреча, я тороплюсь.

Тут у ротмистра явно выиграла служебная чуечка, и он с некоторым подозрением, но явно стараясь его не показывать, как бы без интереса поинтересовался:

– Что за встреча?

– Газету купить хочу.

– Что? – не понял он или сделал вид, что ему слыша-

лось.

– Да понимаете, господин ротмистр, мне в последнее время в карты везёт, – люблю я их и не скрываю этого. После удара по голове – на меня недавно польские бандиты напали – вдруг пошла карта. Ну вот идёт, и всё тут. Глупо не воспользоваться. Так вот, я, когда на излечение направился, с одними господами поиграл в покер, там и германский банкир был. Всю ночь мы за столом просидели. Выиграл тогда чуть ли не двести тысяч. Правда, половина в германских марках, но все же. Приехал сюда, квартиру купил и заводик металлургический. Начал выпускать армейское снаряжение: противошрапнельные каски и армейские котелки. Я уже патенты на них выправил, отправил каски и котелки в службу тыла армии, там комиссия решает, примут их или нет. Надеюсь, примут. А вчера у купца Завидухина выиграл в покер ещё двенадцать тысяч рублей. Хочу газету приобрести и типографию, теперь средств хватает. Стряпчий уже нашёл варианты, едем смотреть... Только, знаете что, господин ротмистр?

– Что?

– После того как тот террорист в меня стрелял и пули свистели, я как-то ясно осознал, что удача весьма переменчивая девушка и долго везти мне не будет. Поэтому решил, в карты играть буду лишь для досуга. А вот на деньги больше никогда. Иначе всё, что выиграл, спущу. Не хочу я этого.

Ротмистр моё излияние души выслушал с интересом, по-

кивал и согласился, что игра в карты – это зло, после чего изрядно удивил меня:

– Скажите, подпоручик, а как вы смогли получить разрешение на покупку производства, или вот газеты, находясь на службе? Ведь офицерам это запрещено.

– Да? – я озадаченно пожал плечами. – Признаться, не знал, и до меня эту информацию не довели.

– Об этом сообщают преподаватели на лекциях в военном училище.

– Значит, эту лекцию я прогулял.

Тут ротмистра позвали, и мы распрощались. Щёлкнув каблуками и отдав честь, я развернулся и направился выискивать свободную пролётку. Жандармы о моих покупках всё равно узнают, и у них появятся вопросы. Версию происхождения у меня денег я подкинул, пусть проверяют ее как основную. А вчера я действительно был у купца и выиграл, так как в покер ещё в той жизни был сильным игроком. Я готовился предъявить источник своих доходов, которые потратил на квартиру и завод. Хотя еще этим утром, когда англичан для акции брал, при обыске квартиры нашёл деньги и понял, что не зря в покер поиграл. Будет чем подтвердить эти трофеи. В общем, всё в цвет, и пока моя далеко идущая комбинация работает. Я собирался таким вот образом прославиться и протолкнуть изделия своего завода. Глядишь, и наградят. Хотя особо я на это и не рассчитывал. А по поводу приобретения газеты, даже не одной, а сразу двух, и типогра-

фии, то тут всё верно. Конечно же, слова ротмистра меня всё же обеспокоили, я о таких нюансах действительно не знал, думал, раз уж повезло в дворянина попасть, то всё можно, а тут вон оно как, оказывается. Правда, трагедией это не посчитал, если прижмут, то родственников много, на них перепису без права управления или вмешательства в процесс. А то они мне науправляют. А газеты нужны, всё же информационная война предстоит, это особое поле битвы, там лучше иметь свои рычаги, поэтому одной газеты будет явно недостаточно, меньше двух никак нельзя. Дал задание стряпчему, и тот снова поработал на меня, причём я предложил ему постоянную работу, будет юридически сопровождать мои приобретения, газеты, типографию и завод, отбивать нападки и всё такое. Иметь своего адвоката всё же неплохо. Тем более у него своя контора, где работают разные специалисты, и адвокаты, и нотариусы. Мы даже договор вчера составили. И вот он нашёл три газеты, за которые имело смысл поторговаться – две уже выставлены на продажу, а владельца ещё одной можно было уговорить. И типографии две было в продаже.

Сначала я заехал к себе на квартиру, где прихватил деньги, трофеи, взятые с англичан, потом в банк, отправил переводом в Москву на имя отца двадцать тысяч рублей. Игорь ему две тысяч должен был, вот я и вернул в десятикратном размере. Потом отправил телеграмму с пояснением, пусть тратит средства на своё усмотрение. После этого заехал за стряпчим, и мы направились смотреть газеты. В пути я по-

интересовался обеспокоившим меня нюансом, и тот подтвердил слова ротмистра, что офицерам нельзя владеть чем-либо, кроме поместий, домов или квартир, они полностью должны отдаваться службе Отечеству. Что касается меня, то он подумал, что я прошение об отставке подал и ожидаю решения, и заранее занялся закупками. Вот такой вот финт. Пока катили, мы обсудили с ним возможность переписать моё имущество на родственников. Стряпчий подтвердил, что, если потребуется, проблем не будет.

Купил я все три редакции и обе типографии, на всё это у меня ушло пятьдесят две тысячи рублей. Одна из типографий недавно прошла модернизацию и имела самое современное оборудование. Стряпчий занялся оформлением сделок, а я вернулся на квартиру, где меня уже ждали: пять гвардейцев – четверо конные и офицер на бричке. Взяли под белы ручки и повезли во дворец – это я уже на месте узнал, мне сопровождающие ничего не говорили. Хорошо, что я был в парадной форме офицера российской армии, в принципе, смотрюсь неплохо.

Голова у меня даже кругом пошла от быстроты действий. Во дворце, в присутствии шести генералов, одного адмирала и свиты, лично Николай Второй наградил меня орденом Анны четвёртой степени, шашку забрали и вернули аннинское оружие с гравировкой «За храбрость» на рукоятке, чего уж я точно не ожидал. Ну, и произвели в следующий чин, теперь я поручик. Если раньше по табелю о рангах принад-

лежал двенадцатому классу, то теперь перешёл в одиннадцатый. Ну и жалованье на десять рублей больше будет. До этого Игорь получал со всеми доплатами восемьдесят, а у меня будет девяносто. Помимо этого, император разрешил мне владеть заводами и газетами, но устно. Вот за это спасибо. Как узнал только? Рапорт ротмистра прочитал?

Я уже понял, что происходит: видимо, до императора дошла информация, кто «стрелка» убил, и он пожелал меня видеть. Ну, и вознаградил, вполне достойно, на мой взгляд. Я поблагодарил императора и попросил уделить время на разговор со мной.

– Ваше императорское величество, откровенно говоря, я уже подал прошение о встрече с вами – три дня назад, в императорскую канцелярию. Но никак не ожидал, что случай позволит нам встретиться в такой вот обстановке. Причина, по которой я столь настоятельно желаю встретиться с вами, очень серьезная. Я получил некоторые сведения, и хотел бы сообщить их вам лично.

Николай с интересом посмотрел на меня и, на миг задумавшись, благосклонно склонил голову:

– Завтра в два часа дня я вас ожидаю, поручик.

– Благодарю, ваше императорское величество, – я почтительно склонил голову.

Дальше нам поговорить не дали, я и так слишком нагло напросился на встречу, о чём мне не преминул сообщить один генерал из свиты. На пути к выходу он пытался выяс-

нить тему этой будущей встречи, но я стоял на своём: информация слишком важна, и я никому не могу ее доверить, кроме императора. Покинув дворец, я доехал до здания Генштаба, где по выданной в императорской канцелярии справке мне выправили новое удостоверение, уже на звание поручика, вписали новые данные, но службу я буду проходить в том же полку, в гвардию меня не приглашали. Потом я заехал к своему портному, и тот быстро поменял погоны, у него хранился запас всех видов, и получил задание на новую форму пришить уже погоны, соответствующие моему новому званию. Пока я был у портного, тот вывалил на меня новости. По городу прокатилась волна убийств генералитета и высших сановников, город замер в ожидании и страхе, что будет дальше. А от расстрела великих князей так вообще город в шоке.

Добравшись до дома, я вздохнул с некоторым облегчением. Шашку, которую мне действительно вернули, проверил, револьвер, который сдавал на входе, убрал обратно в кобуру. Удостоверение на орден положил в ящик стола, носить его постоянно при себе не требовалось. Тем более в личное дело уже внесли информацию о повышении в звании и награждении.

Однако задерживаться я не стал, как стемнело, переоделся в одежду рабочего, незаметно через чердак покинул дом – как я приметил, за квартирой следили, похоже, жандармы работали – и добрался до одного трактира, где немало раз-

ных личностей криминального вида собиралось. Мне нужен кто-то из отморожков, любящий деньги. На примете были уже шестеро, за время жизни в столице присмотрел, на случай если срочно нанять придется, и вот время пришло. Из них я нашёл только одного, по кличке Сеня-Беспалый. Когда он вышел из трактира, я в темноте прыгнул ему на спину и взял руку на излом. Убедившись, что двинуться тот не может, а только глухо матерится, я зашептал ему на ухо, с сильным британским акцентом:

– Нанять тебя хочу, Сёма. Поговаривают, ты убийствами заказными промышляешь? Нужно одного офицера убить. Оплата – пять тысяч русских рублей. Аванс пятьсот, оружие дам, остальное при встрече. Что скажешь?

– Да мне всё равно, офицерик так офицерик. Бывало, и с дворянами разбирался. Согласен я. Руку отпусти.

– Нет, так поговорим. Значит, ситуация такова: кого будешь убивать, знать тебе не стоит. Он появится у входа в императорский дворец завтра к двум часам дня. Это точно, сведения получены из самого дворца. Твоя цель обычный пехотный поручик, не ошибёшься, вряд ли их там много в два часа дня. И вот когда его казаки остановят для проверки у входа, убей его. В карман я тебе кладу пять патронов к карабину Мосина, этого хватит, и аванс, сам карабин прислонён вон у того дома к углу. И смотри, не промахнись. После того как убьёшь офицера, встретимся вечером, как стемнеет, в вашем трактире. Узнаешь меня по белому шёлковому

шарфу.

Отпустив Сёму, я отступил в тень и скрылся, тот лишь глухо матерился, потирая почти вывернутое плечо. После этого проверил карманы и, придя в хорошее расположение духа, направился прочь, прихватив карабин. Отлично, заказ на самого себя сделан, теперь стоит подстраховаться.

Добравшись до квартиры, где жил резидент – куратор тех двоих англичан, которого сдал застреленный мной в снайперской лёжке, – я бросил в почтовый ящик письмо: инкогнито просит встречи с резидентом, мол, есть очень важные сведенья, намекает, что больших денег стоят, местом встречи на завтра назначен один трактир, при себе предлагается иметь четыре тысячи пятьсот рублей. Для опознания надеть белый шёлковый шарф. После прочтения записку сжечь. Кстати, за домом резидента следили. Видимо, жандармы знали о нём. Не знаю, чего выжидают, но я этим был доволен. Если резидента на месте будет, а тот наверняка как на иголках сейчас сидит, то письмо жандармы прочитают. Поэтому если Сёму на месте акции не возьмут, что вполне реально, он все-таки опытный бандит, то жандармы уже в трактире, с шарфом. Всё должно быть идеально.

Понятное дело, может возникнуть вопрос: какого чёрта я сейчас делаю? Начатая мной комбинация еще не была завершена. С карабином я поработал, и если на пятидесяти метрах в цель ещё попасть можно, то на ста, и тем более двухстах, исключено, прицел немного сбит. Так что я был уверен,

что первая пуля пролетит мимо, подавая мне сигнал укрыться от последующих. Рискую, знаю, но нужно убедить, что я действительно имею какие-то важные сведения, за которые меня хотят убить. Ну, или просто мстят за провал английской резидентуры. Не всей, небольшой группы, но всё же. Мне и то, и другое в тему будет.

Так же незаметно вернувшись на квартиру, я принял душ и, устроившись в кровати, вскоре уснул. Всё подготовлено, а что из этого всего выйдет, посмотрим.

Утром я надел форму, накинул все ремни, погладил эфес наградной шашки, проверил оружие и, прихватив пустой саквояж, поймал на улице пролётку и покатил к заводу. Наблюдатели как привязанные следовали за мной. На заводе я взял три каски из готовых и два котелка. Хорошо, что на заводе есть опытный участок по каскам (это я его так называю). Всё-таки заказы разные поступают, и нужны опытные рабочие, которые по схемам и с учетом пожеланий заказчика могут что-то сделать. С касками, конечно, они помучились. Получились не такие глубокие, как СШ-40, но вполне пристойные. Лекала сделали, пресс настроили, и вот уже печатают на свободном станке. На втором котелки делают, но там другая технология – клепать приходится. Что касается касок, то выяснилось, что белый орёл спереди демаскирует, поэтому от мастеров поступило предложение делать его другим цветом. Молодцы мужики. Я дал добро, и вот, прибыв

на завод, разглядывал несколько экземпляров. Три в сакво-
ж убрал – покажу императору.

Была ещё одна причина присутствовать на заводе. Гото-
ва столовая. Внутри две печи: одна кухонная в отдельном
помещении, на ней готовят, и в обеденном зале вторая –
для обогрева зимой. Лавки там, столы – пятьдесят человек
за раз легко столовый зал примет, поэтому рабочие могут в
две смены питаться. Не страшно, привыкнут. Потом дом для
охраны, там уже обживают, у каждого своя комната, и есть
общий зал, будка охранника на въезде, шлагбаум, новый сор-
тир, и еще одна комната для охраны оборудована в здании
управления. Там же стойка для оружия. Это пока всё, что
успели. Ещё медпункт заканчивают, в нем нанятый фельд-
шер будет работать. Баня осталась, цех да конюшня с сарай-
чиком. Через неделю и их сдадут.

Я провел торжественное открытие столовой. Сотрудни-
цы для нее были наняты из жён и родственниц наших же
рабочих, посуду заранее сами сделали, штампованные лож-
ки-вилки на заводе полюбили, провизию закупили. На та-
ком мероприятии необходимо было все же присутствовать –
для моих работников это неординарное событие. Поэтому
обставили всё торжественно. Ну, и поздравил всех рабочих
и велел продолжать работать.

Перед тем как всех распустить, я сообщил директору за-
вода и рабочим, что у меня на сегодня назначена аудиенция у
императора, как раз по выпускаемой нами продукции, и если

у нас всё получится, то получим государственный заказ. После этого отозвал директора, выслушал доклад. Кстати, тот поинтересовался, почему я был повышен в звании, да и наградное оружие приметил. Ответил я уклончиво, мол, участвовал в перестрелке, и вот отблагодарили. Из газет вскоре узнает, у меня журналисты интервью вчера брали на выходе из дворца, а так как расписки о неразглашении я не подписывал, то как на духу всё и выложил. Пропиарил себя. Посмотрим, что из этого выйдет. Надо сегодня газеты купить, и, если статья понравится, пару штук отправлю в Москву родственникам. Пусть видят, что Игорь Волков не беспутный мальчишка, а вполне путный. Моё сообщение произвело впечатление на директора завода.

Поскольку наступило время обеда, то на заводской бричке я покатил к ресторану, где мой стряпчий организовал встречу с некоторыми творческими людьми. Газеты, которые я купил, были либерального толка, и нужно их переформатировать в патриотические, заменить замазанные грязью названия и работников, включая руководство. Вот с будущими редакторами трёх газет и директором одной типографии я и собирался пообщаться, у второй типографии хороший директор, на своём месте и монархист. Мы обедали за общим столом. В общем, пока я утвердил всех, пусть едут в редакции газет, входят в дела, нанимают работников, потому как старых я уволил, мне они не нужны. Как репортёров советовал использовать студентов, не думаю, что те будут против под-

работки, но все материалы должны быть патриотическими и прошедшими цензуру. В статьях только я могу хаять императора и управление страны. Дада, я собирался стать выездным репортёром. Фотоаппарат чуть позже приобрету. Новые названия газет были подобраны и находили на регистрации, по ним можно понять тему их работы: «Купеческие ведомости», «Столичные новости» и «Русский патриот». Именно в последнем я и буду числиться под псевдонимом Игорь Лисов.

Времени оставалось мало, поэтому я назначил еще одну встречу на завтра и велел возникшему везти меня ко дворцу.

Заводской возница, что доставил меня к въезду на территорию дворца, явно желал дожидаться меня, но я велел ему ехать на завод, сегодня он мне больше не понадобится. Так что он покатил дальше, как только я покинул бричку.

Подходя к воротам, я почти физически ощущал чужой взгляд на спине и ожидал выстрела. Однако его не произошло. Подкатила телега, называемая тут каретой, в которой было несколько человек, всё же во дворце траур по убитым вчера великим князьям, и, похоже, загородила меня от стрелка.

Казачи проверили мой саквояж, с интересом изучили лифчики и котелки, которые им очень понравились, и я сообщил, где такие можно приобрести, добавив, что это продукция моего заводика. В общем, меня пропустили. У дворца ещё гвардейцы стоят, для повторной проверки, там потребу-

ется сдать «наган».

А вот тех, кто на карете прикатил, на территорию не пустили. Точнее, сам экипаж завернули: гостей много прибыло на поминки по князьям, поэтому их ссадили и отправили внутрь пешком. Пока я проходил досмотр, с интересом следил, что вокруг происходит. Много женщин в трауре, да и мужчины – всё же такая трагедия! И вот к семье, которая невольно заслонила меня от стрелка, подбежали две девочки, лет одиннадцати и пятнадцати, и завели разговор с подружкой из кареты. Так что на территорию я заходил с ними. И тут свистнуло, а потом и раздался хлопок выстрела со спины. Пуля прошла впритык к плечу. Отшвырнув саквояж, я схватил всех трёх девчат, что стояли рядом и ничего не понимали, и буквально швырнул их к забору – у него каменный фундамент высотой полметра, как окоп укроет, – ну и сам рухнул рядом. Не хотелось бы получить пулю. Думаю, Сёма уже понял, что прицел сбит. Ну так и есть: не успели мы под визг девчат упасть, как в кованую решётку прилетела следующая пуля и звонко отрикошетила. Фундамент забора затрясся от попадания пуль, но те его не проббили. Кричали казаки – похоже, обнаружили, откуда бьёт стрелок, слышался топот копыт, вдали засвистел городской. В общем, такой шум стоял! Я же, повернувшись на бок, положил руку под голову и полюбопытствовал:

– Ну, вы как? Я вас не помял, часом? Кстати, разрешите представиться: поручик Волков, – и умудрился лёжа щёлк-

нуть каблуками, вызвав у девчонок хихиканье.

Девчат я всё же помял, но синяки – это не страшно, тут подскочили родители одной из них и трое казаков, они схватили в охапку девчат и с ними рванули к зданию дворца, закрывая своими телами от возможного выстрела, а третий усач остался со мной – наблюдал, как я встаю на ноги и отряхиваюсь. Сёму я уже не опасался, тот давно дал дёру.

– Ваше благородие, у вас погон пулей оторван, – с заметным уважением сообщил казак.

Проверив, я действительно обнаружил пробитый пулей погон.

– М-да, а мне на аудиенцию к императору. С такими событиями он может и не принять. Тем более горе-то какое, траур.

– Нужно сообщить секретарю, и тот известит, ждате ли вас встречи с императором-батюшкой или нет.

– Спасибо.

Подхватив свой саквояж и приведя себя в порядок, я направился в сторону дворца, казак всё так же сопровождал меня, напряжённо крутя головой. А запугал я своими действиями в Питере местных очень серьёзно. На виду уже никого не было, все попрятались. А к дворцу стягивали войска. Пока шли, я решил закинуть удочку:

– Как тебя звать?

– Егором, ваше благородие.

– Егор, у меня тут проблема возникла. Хочу себе денщика

взять, а лучше двоих, из ваших, кто хорошо шашкой владеет. Признаться, я только несколько стандартных ударов знаю, а хочу научиться пользоваться ею толково. Подумываю взять учителей-денщиков. Одного для охраны и для наставничества, другого – по хозяйству, за лошадьми следить, в походе готовить. Только сразу предупреждаю, хлебнуть им со мной придётся немало. Скоро германцы на нас нападут, а мой полк у границы стоит. Смекаешь? В общем, мне нужны казаки, рискованные, не боящиеся опасности. Зарплату достойную гарантирую, ну и трофеи лично взятые будут их. Я к трофеям серьёзно отношусь: убил врага – всё с него твоё.

– Война будет? – задумчиво поинтересовался казак.

Ему лет двадцать пять на вид было, потому обращение по имени соответствовало. Не Егорка уже, Егор, солидный военный муж, а на отчество пока ещё не заработал.

– Да, в августе. Англичане, суки, провоцируют. Так что насчет денщиков? Я был в Красном Кресте, искал среди ветеранов, шестерых взял на охрану своего завода, работают хорошо, справляются, но денщики – это совсем другое дело.

– Я поговорю с нашими, решим. Как вас найти?

Сообщив адрес, я расстался с казаком, тот передал меня гвардейцам, вооруженных винтовками Мосина. А в окне ствол пулемёта торчал. Точно запугал. Причём я ещё не представлял, до какой степени на самом деле. Меня снова осмотрели, я сдал оружие, предъявил для проверки саквояж, и почти час ожидал, мне за это время погон сменили,

чтобы выглядел достойно, и только в полтретьего меня пригласили к императору. Тот ходил по кабинету, как зверь в клетке, явно пребывая в расстроенных чувствах. Да и флигель-адъютант при нем был, и генерал, лица у обоих смутно знакомые, вроде из свиты государя, но точно не скажу. На награждении они точно присутствовали.

– Поручик, – повернулся ко мне Николай, когда я прошёл в кабинет. Дверь за мной закрыли. – Благодарю вас, что спасли мою дочь.

Тут я откровенно завис. Это когда я успел? Кто-то из девчат? Вполне возможно.

– Не стоит благодарности, ваше императорское величество, это мой долг офицера и вашего подданного... Хм, а когда я её спас? Честно сказать, этот момент я пропустил. На ум приходят только те три девочки у въезда.

– Да, одна из них моя младшая дочь. Вы не знали?

– Нет.

– Что ж, всё равно благодарю. Времени у меня мало, сами понимаете, что происходит в городе. Какова тема вашего прихода?

Я лишь скосил глаза на свидетелей, но хозяин кабинета тут же сообщил, что доверяет им. Пришлось говорить при них:

– Ваше императорское величество, прежде чем продолжу, хотелось бы вам показать продукцию моего завода. Это детали армейского снаряжения – противошрапнельная каска и

армейский походный котелок.

Я достал из саквояжа два котелка и три каски, положил на столе, и оба офицера и император не без интереса стали их изучать. Котелки особенно понравились, а император крутил в руках каску. Герб впереди был замаскирован, теперь он был темнее, чем сама каска, а контуры обведены красным. Смотрелось красиво. Я пояснял, для чего они нужны и что дают, отпускную цену, и добавил, что уже направил каски и котелки в службу тыла на изучение. Императору, конечно, было интересно, но он явно думал о чём-то другом, поэтому я решил перейти к сути:

– Но настоящая причина, по которой я просил о встрече с вами, это достоверная информация о скорой войне. – Мои слова заинтересовали всех. – Я не скажу, откуда получил эту информацию – дал слово чести держать источник в тайне, но как показало время, верить ей стоит. Англичане решили ослабить сразу несколько государств, в идеале уничтожить сразу три империи: Россию, Германию, Австро-Венгрию. А если удастся, то еще Османскую, но надежды на это мало, если только всё пройдет идеально по их плану. Втянуть Россию в войну решили просто: пообещав отдать Турецкие проливы, – но они не собираются выполнять обещанное. Задача у англичан – начать войну, с яркого события, например, убийства кого-то из правителей или их приближённых. Я поначалу думал, что вчерашнее убийство великих князей – часть их сценария, но сейчас не уверен. Убийство должно было

произойти в Германии. В ближайшие дни там кого-то должны убить. Есть предположение, что это будет эрцгерцог Фердинанд. Дальше ситуацию повернут так, что Германия сама объявит войну и начнёт боевые действия. Если учесть, что армия у нас мало воевала и генералы, скажем так, воевать могут только по тактике позапрошлых войн, потери будут большими. Дальнейшие шаги англичан запланированы с использованием предателей из граждан нашей страны. Во время раскола они спровоцируют недовольство солдат и граждан страны нашим правительством, в данном случае вами. Потом пойдут митинги на фронтах, лозунги «Штыки в землю», «Сдавайтесь германцам», «Не нужно воевать за царя». Рабочих такие революционеры будут уговаривать останавливать заводы, чтобы фронты остались без боеприпасов и оснащения. Дальше силой убеждения с помощью своих подручных из вашего окружения заставят отречься от трона, с физической ликвидацией впоследствии вас вместе с семьёй, а там и раскол страны. Потом уже гражданская война, когда брат идёт на брата. Эти революционеры будут называть себя большевиками или социал-демократами, но на самом деле это предатели, что за деньги англичан толкают свою страну в пропасть. А это очевидное предательство. С ними можно справиться, но это сложно, они знают, что при задержании после суда максимум, что им грозит – отправка на каторгу, где они смогут учиться у других узников, тоже политических, и вернуться более подготовленными, считая себя

героями, борцами с царским режимом. Если ввести смертную казнь за предательство, их ряды серьёзно поредеют. К сожалению, англичане просчитали вас, знают, что вы на это никогда не пойдёте, поэтому их план по развалу России – а другие империи меня мало волнуют – приведёт к тому результату, что они и хотят. Это всё, что я хотел сказать.

– Я вас выслушал, поручик, – кивнул император, играя скулами и зло глядя на меня. – Вам есть ещё что добавить?

– Есть одна идея по военной теме, думаю, присутствующие офицеры оценят. Называется идея – тачанка. Совместить пулемёт с подрессоренной пролёткой – и пулемётам будет обеспечена даже кавалерия.

Объяснить идею труда не составило, тем более я подготовил всё на бумаге с рисунками, как это всё должно выглядеть. Генералу идея понравилась, тем более он кавалерист, а вот адъютант скривился. Не его тема. После этого меня проводили к выходу. М-да, вокруг дворца цепью стояли солдаты одной из пехотных дивизий, что дислоцировалась в Питере, и на каждом перекрёстке солдаты с офицером, еле добрался до квартиры, шесть раз документы проверяли. Точно разворошил муравейник.

В квартире, переодевшись в домашнее, я лениво растопил печь и приготовил ужин, после которого сидел у себя в кабинете за столом и размышлял, потягивая кофе по-турецки. Императора я разозлил, кому такие предсказания приятно слышать, да ещё с явным намеком, что он не справится? Од-

нако я надеялся, что хотя бы от злости или в страхе за свою семью Николай отдаст нужные приказы и положение страны станет лучше. Ну, о начале войны он и так знал, уже союзом с Антантой связал себя, и переговоры по поводу турецких проливов тоже начались. Только я раскрыл более глубокую идею англичан изменить политическую обстановку в мире, это-то ему и не понравилось. Посыльным, принёсшим плохую вест, рубят голову, – чего ожидать мне, вот в чём вопрос. Ну, и раскрылся я. Ну не может сопляк-мальчишка девятнадцати лет от роду быть настолько хладнокровным и, что уж говорить, знающим. Теперь проверят меня со всей тщательностью. Одна надежда, с последними событиями император замотается и забудет обо мне. Свои дела в столице я практически закончил, остались газеты, наём денщика, одного-двух, и можно отправляться.

Я допил кофе и мыл чашку на кухне – не терплю у себя не мытую посуду, – когда раздалось треньканье звонка входной двери – похожего на велосипедный: ручку крутишь, и он трезвонит. Вроде ничего не запланировано, встреч нет, поэтому в лёгком недоумении, вытирая на ходу руки полотенцем, я направился к дверям. Может, это казаки прислали мне кандидатов в денщики?

Оказалось, нет. Открыв дверь, я обнаружил того самого флигель-адъютанта, позади стояли несколько офицеров гвардии.

– Господа, чем обязан? – поинтересовался я.

– Ожидайте меня тут, – приказал сопровождению адъютант, а сам прошёл в квартиру.

– Коньяку? – предложил я, приглашая его в гостиную как гостеприимный хозяин. С гостем, я решил, можно и на ты перейти.

– Не стоит, я на минуту, – сообщил он, не покидая прихожую. – У меня для вас устная просьба его императорского величества. Помня о том, какие услуги вы оказались императорской семье, государь сообщает, что в отношении вас не будут использованы никакие методы воздействия. Вам, поручик, приказано покинуть столицу в ближайшее время и вернуться к месту службы.

После этого царский посланник покинул мою квартиру. М-да, надо сказать, чего-то такого я и ожидал. Ну что ж, нужную информацию я передал и надеюсь, что, когда обещанное начнёт сбываться, Николай вспомнит этот разговор. Точный срок отбытия мне не сообщили. Так что покину столицу дня через два, этого времени мне хватит закончить дела, и можно будет отправляться. Только не к месту службы, а во Францию, где я хотел потратить английские фунты – у меня было чуть меньше двадцати тысяч, – а потом уже вернуться на территорию России, чтобы до начала войны освоиться на месте службы. Не знаю, сколько времени у меня останется на это, пока не гряхнет, но постараюсь. А Францию посетить нужно. Я всегда держу про запас другой план. Если в России не выгорит, купленный мной домик в окрестно-

стях Парижа, точнее в городской черте, и станет таким запасным вариантом, куда я переберусь, а может, и родственников перевезу. Для того копии документов и нужны. Возможно, придётся бежать вовсе без них, и копии, оставленные мной в банковской ячейке, точно пригодятся. Дальше по обстоятельствам, однако тылы подготовить я планировал серьёзно. Если в шестнадцатом всё будет по-прежнему, как в истории моего мира, то продам всё имущество, газеты и завод в России, а деньги переведу во Францию, к тому моменту счёт у меня там будет. Я патриот, но не идиот. В одиночку тонущий корабль не спасу. Я многое сделал, но если Николай как баран упёрся и толкает страну к пропасти, мешать не буду. Есть только два решения на выбор: застрелить его или нет, и в шестнадцатом это будет видно, но не сейчас. Запугать я его запугал, пусть думает.

Утром меня разбудило треньканье звонка. Похоже, опять какие-то новости. Встав, я накинул халат и, по пути умывшись, открыл дверь с «люгером» наготове. Мало ли что. Оружие я прятал, но встал так, чтобы косяк закрывал левую сторону, поэтому казак за дверью, а это был знакомый по двору Егор, ничего не заметил. Увидев меня, он оживился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.